

Неиссякаемый источник нашего могущества

Из темных вод океана выплыло солнце, чистое, ослепительное. Оно озолотило голубую урюкую сопку, мягко скользнула перлы лучами в снежную долину, выхватили из тьмы спящий рыбачий поселок, прилепившийся на склоны горы, и вдруг загрохотало на камушках, полотноцах, флагах, укрывавших дом, к которому уже спешили люди. В стране Советов родился новый день — воскресный день 27 февраля 1955 года. — и рыбаки, китобой, колхозники Курля первые отправились в гости-приветно распахнутым дверям избирательных участков выбрать свою народную власть.

Велика наша Родина. Но и человек в наши дни, по чудесному горьковскому определению, должен быть (и становится) настолько большим, чтобы видеть всю страну, чтобы жить жизнью всего нашего необъятного Союза. В ту минуту, когда на часах день на Бурильских островах, курорт Кремля пробил только 10 часов субботнего вечера. Но праздничное освещение уже жгло в столице. Оно чувствовалось и в веселой музыке, льющейся из репродукторов на улицах и площадях, и в необычном для февраля обилии цветов, которые привозились неведомо откуда для украшения избирательных участков, и в самом радостном настроении шумной, говорливой толпы москвичей.

Когда в Москве пробил полночь, началось голосование в Якутии. Пришла на избирательные участки горняки Алдана, охотники Олекмы, речники Лены. Оленовцы с самых далеких стобойн торопились к избирательным участкам на одежных и собожьих упряжках. Они принимали участие в выборах органов своей государственной власти, они опускали в урны бюллетени, написанные на родном языке. Это в нашей стране в порядке вещей... А вдуматься, какая прекрасная была Якутия — в недавнем прошлом темному, бесправному народу — советская власть, за которую она, как и другие народы страны, голосовала 27 февраля, дала великие права советского человека, дала грамотность, образование. Якуты и эвенки стали учителями, врачами, агрономами, экономистами, кандидатами и докторами наук. Ученые охотники и оленоводы продвинули в трудную пору кукурузы, изучают сложные проблемы атомной физики.

И все это в общем привычно для нас, советских людей, и мы не видим здесь притока для удивления, потому что чудо советской жизни стало повседневностью. Это так же привычно, как, скажем, лозунг «Все — на выборы!».

Все — на выборы! И хотя двери избирательных участков были открыты до полудня, избиратели повсюду спешили выполнить свой долг. За престарелыми посылались машины, повозки, санки; больным, которые не могли в этот морозный день выйти на улицу, приносили избирательную урну на дом, чтобы и они могли выполнить свой гражданский долг.

Привычно для нас то, что в нашей стране действительно все кровно заинтересованы в том, чтобы народ — именно весь народ — принимал участие в выборах своей народной власти. А ведь это — одно из величайших завоеваний социалистической демократии, одно из коренных ее отличий от феодальной капиталистических стран, в которых так называемые «всеобщие выборы» ограничены таким частотным оговором, исключительный, цензурный и прямым угроз, что на деле миллионы трудящихся в мире капитала не допускаются к избирательным урнам.

Привычно для нас, хотя каждый раз по-новому радует, и само ощущение праздничности выборов. В Москве этот яркий морозный день с чистым, уже начинающим по-весеннему голубеть, высоким небом, начавшая музыка, песнями. Принарядилось, торжественно украсилось улицы столицы, и люди на улицах наряжены, улыбаются, праздничны. Каждый из них на своем жизненном опыте убедился, что внутренняя и внешняя политика Коммунистической партии отвечает кровным жизненным интересам всей страны и его семьи, его детей, его самого. Потому и голосовали так единодушно рабочие «Серпа и молота», «Трехгорки», ЗИС и всех других московских предприятий, профессора и студенты Московского университета и всех других вузов столицы, учителя мо-

сковских школ, врачи, военнослужащие, служащие, домашние хозяйки.

Столица нашей Родины — Москва Тысячи нити связана в эти часы со всеми городами и селами, где проходило голосование. Это ощущение — и в ежедневных передачах по радио, и в сообщениях московских газет, и в напряженной работе почты и телеграфа, приносящих вести со всех концов страны, и, главное, в радостном сознании непобедимого единства двух великих сил — народа и партии, — единства, нашего такого полное выражение в победном блоке коммунистов и беспартийных.

27 февраля миллионы людей выразили единодушное одобрение мудрой политике партии и правительства, отвечающей интересам всего народа. Избиратели голосовали за дальнейший подъем тяжелой промышленности — основы основ всей социалистической экономики. Они голосовали за крутой подъем животноводства и зернового хозяйства страны, за дальнейшее улучшение жизни трудящихся. Они голосовали за внешнюю политику партии и правительства — политику мира и дружбы между народами. И выразив таким образом свое одобрение линии партии во всех областях советской жизни, народ ставил у кормила власти тех, кому доверяет полностью.

Великий Ленин сказал о Советях: «Это — власть, открытая для всех, действующая все на виду у масс, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли». Справедливость ленинских слов вновь подтверждена прошедшими выборами. Народ послал в Верховные Советы союзных и автономных республик и в местные Советы депутатов трудящихся людей, снискавших доверие своим безавытным трудом во имя победы коммунизма, лучших из лучших, достойнейших из достойных — руководителей партии и правительства, передовых сталевадов, домостроителей, машинистов, знатных хлеборобов, трактористов, чабанов, известных народу деятелей науки и культуры, славных воинов Советской Армии. Сообщения о том, как проходили выборы, поступают из многих городов и сел нашей Родины. Рассказы о кандидатах в депутаты, которым выражают свое доверие избиратели, народ, очень схожи между собой, — это рассказы о простых людях, своим трудом заслуживших высокую честь.

В новом рабочем клубе на шахте «Мухометовская-вертикальная» голосовали за своих депутатов доцент шахтеры. В местные Советы они послали 12 человек. Кто эти люди? Три шахтера, три техника, четыре инженера, два партийных работника.

Город Орел. В железнодорожный районный Совет избирались 90 депутатов. В их числе: слесарь, машинист, уборщик, кандидат наук, врач, инженер, домашняя хозяйка. На 90 кандидатов в депутаты — 39 женщин; 50 имеют среднее и высшее образование.

Совхоз «Индустриальный» Саратовской области — крупнейшая зерновая фабрика Поволжья. В поселковый Совет избирались ветераны совхоза, прибывшие сюда по комсомольским путевкам еще в 1929 году: слесарь И. Калинин и зарекомендовавший мастерской М. Галазов, агроном М. Спичинский, фельдшер Н. Букарева, электросварщик Н. Андимов, учительница О. Никитова, дворня П. Захарова.

Село Кожушна, Молдавия. Среди кандидатов в депутаты сельского Совета — член и кандидат партии 11, комсомольцев 2, беспартийных 22; в числе кандидатов в депутаты — 13 рядовых колхозников, 10 зенявцев, 2 бригадира, 2 агронома, 7 учителей, один механизатор.

От Тихого океана до Карпат, от Берингова моря до Балтийского голосовали в тот день за своих кандидатов, за счастье народов советские люди.

Короткие сообщения, порою одни цифры, несколько строк о тех, кого народ посылает в Советы, а какие волнующие чувства возникают в связи с этими телеграммами, приходящими со всех концов страны. Народ избирает свою народную власть, отдает ее в руки лучших, которые будут такими же рачительными, строгими, умеющими радоваться победам и не закрывающими глаз на недостатки, как и сам народ. Неиссякаемый источник нашего могущества — великое единение Коммунистической партии, Советского правительства и всего народа.

Под знаменем этого великого единения и прошел славный день 27 февраля.

Капитал ФАЙЗУЛИН,
корреспондент «Литературной газеты»
ТАШКЕНТ

НАРОДЫ ОТСТОЯТ МИР!

«Советские писатели, — говорится в Заявлении секретариата правления Союза писателей СССР, — призывают всех писателей мира, кому дороги интересы своих народов, встать в ряды активных борцов в защиту мира, помочь своим талантом, своим влиянием благородному делу предотвращения новой войны».

Ниже мы публикуем отклики советских писателей на Обращение Всемирного Совета Мира.

Поддерживаю безраздельно и до конца

Не знаю, сколько сотен миллионов поддешей будет поставлено людьми на всем земном шаре по документам, подтверждающим призыв Всемирного Совета Мира запретить атомную войну, уничтожить атомное оружие, но убежден, что, если бы людям повсюду была дана возможность без постороннего вмешательства проявить свою собственную волю, 99 из каждых 100 живущих на земном шаре людей сказали бы «нет, мы не хотим атомной войны», сказали бы «да, атомное оружие должно быть безоговорочно запрещено».

Вместе с народами всего мира советские люди горячо поддерживают Обращение Всемирного Совета Мира против подготовки атомной войны. Они полны решимости отстаивать право на спокойное будущее для своих детей, помешать осуществлению преступных замыслов атомщиков.

«Советские писатели, — говорится в Заявлении секретариата правления Союза писателей СССР, — призывают всех писателей мира, кому дороги интересы своих народов, встать в ряды активных борцов в защиту мира, помочь своим талантом, своим влиянием благородному делу предотвращения новой войны».

Ниже мы публикуем отклики советских писателей на Обращение Всемирного Совета Мира.

Капитал ФАЙЗУЛИН,
корреспондент «Литературной газеты»
ТАШКЕНТ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 26 (33701)

Вторник, 1 марта 1955 г.

Цена 40 коп.

ЕДИНСТВО И СПЛОЧЕННОСТЬ

На улице Хлопка

По местному обычаю хозяин дома встречает гостей у ворот. В этот день Алему Мирамухамедову выпала честь встретить избирателей в большом празднично убранном доме. И вот рано поутру он открывает залитый огнями подъезд. Первыми в уют жилища с улицы Хлопка.

Алим Мирамухамедов, зрелый старожил, третий выборы руководит избирательной комиссией 229-го участка Октябрьского района Ташкента. Два года назад на месте нынешней улицы лежала пустырь, лепился у дороги глиняные маза-и старой городской окраины. Теперь встали один к одному более семидесяти новых домов, образуют кварталы красивого проспекта, получившего название улицы Хлопка.

В окружении трех сыновей в пункте голосования подводит Кумри Мухитидин. За два года в жизни этой семьи произошло немало перемен. Старший Давал по призыву партии поехал на работу в село, и освоил специальность тракториста. Сейчас он гостит у матери. Средний Камал заканчивает медицинский институт. Младший Шафар пошел по отцовской линии, после школы поступил работать на завод...

Старой Кумри хочется еще кое-что рассказать о своих детях, но к подъезду избирательного участка подходит уже новая шумная группа избирателей.

— Здравствуйте, тетушка Зубайра, — приветствует Алим Мирамухамедов пожилую женщину. — Как здоровье ваших детей?

— Спасибо, пока не жалуюсь. А дети все со мной. Всех приехала, на праздник мы всегда всем семейством ходим.

Мать-героиня Зубайра Абдурафурова пришла голосовать не только с детьми, но и с внуками и правнуками, с братьями, всей семьей, а в семье ее 60 человек.

К председателю избирательной комиссии подходит его старинный друг, внук тетушки Зубайры Халил Усманходжаев. Он не виделся с председателем со дня последних выборов, когда был еще аспирантом. Теперь он может рассказать о многом: и об учебе в Москве, о защите диссертации и о своей работе в качестве доцента Ташкентского технического института.

Заглянем в соседний избирательный участок № 240. Выполнив свой гражданский долг сюда пришел уже известный читателям «Литературной газеты» кузнец Ахмед Шухмухамедов, взиравший на воспитание 14 детей. На пункт голосования явился все 19 членов большой и дружной семьи кузнеца Ахмеда...

С потоком наряжено одетых людей мы входим в красивый особняк на проспекте Алишера Навои. Это один из пунктов голосования избирательного округа, где балотируется депутатом в Верховный Совет республики известный советский писатель Айбек. В вестибюле книжный базар: быстро редуют стопки книг. С душой о Родине, с решимостью превратить в жизнь программу партии и правительства, направленную к умножению материальных и духовных богатств страны, шли ташкентцы к избирательным урнам.

Весеняродний праздник в Ташкенте был отмечен еще одним событием. В этот день горой провозжал более ста своих посланцев на целинные земли Казахстана. Возколом заглядывала толпа зевак. Гремели оркестры, завывала гармония, не смолкали песни. Ветру смех, улыбки, живые цветы...

Капитал ФАЙЗУЛИН,
корреспондент «Литературной газеты»
ТАШКЕНТ

РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ

В народе говорят: — Если день начинается с песни, он обещает быть радостным. Воскресенье, 27 февраля, в столице Белоруссии началось с песни. По-весеннему, хотя на дворе еще зима, ласково и тепло пригрело солнце. Семьями, парами, по одному и целыми группами шли советские люди к избирательным участкам, чтобы исполнить свой гражданский долг.

Ленинский район. Избирательный участок № 23.

Он расположен в просторных залах Государственной библиотеки БССР имени В. И. Ленина. Среди избирателей этого участка люди сотен профессий — рабочие, врачи, учителя, писатели, композиторы.

...Группа молодежи тесным кругом обступила высокого пожилого гражданина. — Евгений Карлович, от всей души поздравляем вас...

Это студенты использовали такой удобный момент, чтобы поздравить композитора Е. К. Тикоцкого, автора оперы «Девушка из Польши», с присвоением ему почетного звания народного артиста СССР.

Круг все растет. Вслед за поздравлениями сыплются вопросы о только что прошедшем в Москве декаде белорусского искусства и литературы.

Для деятелей искусства, для писателей, для всего белорусского народа день выбо-

ров ныне был особенно радостным. В газетах опубликованы указы о награждении большой группы работников культурного фронта республикой орденами и медалями, о присвоении почетных званий. И, прозвонив в ответ на поздравления обычное белорусское «здравіе» (спасибо), каждый адресует его в лице поздравившего всему советскому народу, достойно оценившему успехи белорусской культуры.

«Наши микрофоны в колхозе «Ленинский путь»... — доносятся из репродукторов, и невольно замедляют шаги прохожие, чтобы услышать слово колхозной деревни, голосующей вместе с городом за дальнейший подъем сельского хозяйства, рапортующей о своих предвечесних делах.

Линует празднично принарядившаяся белорусская столица. На углу улиц Ленина и Карла Маркса в новом здании Белгоспроекта расположился избирательный участок № 6. Вывешенные здесь проекты будущего Минска как бы продолжают перспективу улицы. Строители, творцы этого города-красавца голосовали за простых, скромных тружеников, своих лучших сыновей и дочерей, кандидатов народного блока коммунистов и беспартийных.

В. ЮРЕВИЧ,
корреспондент «Литературной газеты»
МИНСК

Наша новь

Крепкий, сухой морозец, замурительная февральская лазурь в солнечном небе, и настроение у всех тоже солнечное. Мы беседовали в этот день с избирателями — жителями Воронежа. Люди разных возрастов и профессий и, разумеется, весьма различные по характеру, склонностям, привычкам. Но во всем этом многообразии индивидуальностей отчетливо, зримо выступает одна замечательная черта: живое ощущение нового, активной устремленности к этому новому.

Порфирий Елисевич Чевычалов, мастер мартовской печи экскаваторного завода имени Коминтерна, рассказывает:

— Тяжеловесные и скоростные двигатели — дело, можно сказать, освоенное. Но как оно иногда бывает: вот это — плавкая скоростная, а вот это — тяжеловесная. Значит, между ними еще есть различие. Где потяжелее, там и помедленнее. А надо добиться, чтобы скорость и вес всегда шли рядом и друг от друга не отставали.

— А как это можно сделать?

— Как? Думаем. Пока только мыслью зашевелились.

Думают коллективно. Чевычалов, его брат Алексей Елисевич и племянник Иван — тоже сталевады. И только у сына Чевычалова иные заботы.

Порфирий Елисевич поясняет:

— Он у меня в сельское хозяйство удрался. Я тридцать лет варю сталь, а он — в земледелие пошел.

— Агроном, что ли?

— Вроде того, — лукаво ухмыляется Чевычалов. — Только воздушный, летчик сельскохозяйственной авиации. Сейчас практику проходил, а с весны начнет крестьянствовать. Тут тебе и подкормка псов, и химическая прополка, и борьба с насекомыми-вредителями. И все — с воздуха. Только что не пахнут самолетами...

У старшего инженера по рационализации и изобретательству завода Воронежсельмаш тов. Гумураи свое увлечение. В 1954 году усилиями коллектива создана новая зерноочистительная машина «ОСМ-3».

— Ко-ую выборов выпустили первую, и теперь начнем серийное производство, — говорил Иван Николаевич.

— Можно ли сказать, что это машина — последнее слово зерноочистительной техники?

Иван Николаевич смеется:

— Ну что вы? Остановиться хоть на миг — это значит отстать от развития нашего сельского хозяйства. Новое слово — да, последнее — нет.

У каждого свои радости, своя светлая новь, свои перспективы. Бригадир одного из заводов тов. Астафьев вместе со своими товарищами изготовил первый в практике завода комбайн для полевой добычи глины. Токляр Александр Беллев закончил заочное отделение строительного института, стал инженером. Красильники кордной фабрики Косматых и Студенкина веселились в ноздней многоквартирный дом на улице Десятилетия Октября. Главный архитектор Воронежа тов. Платинов полев итоги того, что сделано за год по реконструкции и благоустройству города: введено в строй 106 домов, продолжено 110 километров трамвайного пути, построен новый вокзал, мост через реку, кинотеатр «Спартак» на тысячу мест, Дворец культуры.

Чудесен, незаменим этот день, полный душевного единения советских людей, сплоченных вокруг Коммунистической партии и Советского правительства.

Н. АЛЕХИНИ
ВОРОНЕЖ. (По телефону).

ОТЦЫ И ДЕТИ

Морозное ленинградское утро рождалось в белоснежной мгле, но веселые улыбки людей, рано наполнивших украшениями флагами улицы, казалось, горели самое утро прояснилось и будто согрели холодный воздух.

Ветеран первой русской революции, участник штурма Зимнего дворца Александр Васильевич Кошарцев живет на Выборгской стороне, на проспекте, которому присвоено имя его сына, героя гражданской войны, одного из первых комсомольцев — Саши Кошарцева. Утром, договорившись по телефону с Александром Васильевичем побывать вместе на избирательном участке, где он будет голосовать, я еду к нему.

В Ленинграде, по какому бы маршруту ни пошел, везде встречаешь старожилы-памятники. У Петровской набережной стоит стальной громадой украшенный флагами легендарный крейсер «Аврора», а Финляндского вокзала — знаменитый памятник: Ленин на броневике. Страстным, неуверенным жестом протянутой руки он указывает людям путь к свободе и счастью. Вдоль Кошарцевского проспекта раскинулись заводы-гиганты.

Позади остались тропинки с солнцем в зените, душной жарой, фосфоресцирующими волнами, стаями летучих рыб и праздником «морского бога» Нептуну, купальным новиков, впервые пересекающих экватор. Ушла за горизонт Большая Медведица. Но ночам все выше поднимается Южный Крест.

Все эти дни избирательный участок № 26 Одетского водно-транспортного округа, организованный на судье, укрепляет нашу связь с далекой Родиной. Агитаторы вежи дежурства, доверенные рассказывали о кандидатах в депутаты Советов — краповице порта тов. Чубаровой, начальнике пароходства тов. Полякарпове, четвертом помощнике капитана тов. Додуленко.

Когда мы проходили тропинки, перед избирателями судна по радиотелефону выступил кандидат в депутаты Одетского горсовета капитан Соляник, находившийся в районе охоты на китов, примерно за четыре тысячи километров от танкера «Ашхабад». Среди бескрайнего Атлантического океана в репродукторах на корабле звучала родная, издаликая пришедшая русская речь.

Н. Н. МИХАЙЛОВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
Борт танкера «Ашхабад». (По радио)

По пути в Антарктику

библиотеки судна по радиотелефону выступил кандидат в депутаты Одетского горсовета капитан Соляник, находившийся в районе охоты на китов, примерно за четыре тысячи километров от танкера «Ашхабад». Среди бескрайнего Атлантического океана в репродукторах на корабле звучала родная, издаликая пришедшая русская речь.

В 2 часа ночи, соответствующие 6 часам московского времени, экипаж танкера собрался в красиво убранной кают-компании, чтобы единодушно выразить свой гражданский долг.

Н. Н. МИХАЙЛОВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
Борт танкера «Ашхабад». (По радио)

Непобедимая сила

В мае этого года исполнится ровно десять лет с того дня, когда капитализированная гитлеровские армии и наступили мирные дни после кровопролитной войны, равной которой не знало человечество.

В памятную ночь на Красной площади, у древних стен Кремля, мы видели всенародную радость. Сотни тысяч людей радостно наступали мирной жизни. Видели мы на этой площади и наших союзников в американской и английской военной форме, слышали по радио, как развалился наступление мира на улицах Лондона. И если бы мы спросили у любого человека в тот незабываемый день, назовал ли установлен мир на земле, наш собеседник улыбнулся бы такому вопросу. Миллионы людей в те дни были уверены в том, что теперь-то они могут спать спокойно. Кто мог из них предвидеть тогда, что гениальное достижение науки породит дикую атомную историю, и через десять лет после капитуляции гитлеровского вермахта найдутся такие безумцы, которые станут вооружать новый вермахт атомным оружием...

Надо сказать, что зарубежные адмиралы и генералы, в особенности из числа

ответственных, настроены необыкновенно воинственно. И это понятно. Обреченные на безделье, притом хорошо обеспеченные, они имеют достаточно времени для того, чтобы обдумывать кровожадные планы истребления человечества. Один из таких отставных американских адмиралов Уильям Ф. Халси в декабре 1954 года, видно, вместо традиционного новгородского пожелания выступил со статьей в журнале «Американ магэзин» под таким заголовком: «Если начнется война, мы победим в ней».

И чтобы у читателей не осталось сомнений в том, чего хочет отставной адмирал, тут же приведен подзаголовок: «Воязь новой мировой войны в настоящее время более опасен, чем угроза атомного нападения».

Думаю ли хоть один человек десять лет назад, что не пройдет и десятилетия и кровожадные кретины будут призывать к новой мировой войне и серьезно обсуждать «выгоды» атомного нападения на миролюбивые страны?

Наш народ не раз за свою историю видел кровопролитные и тяжелые войны. И всегда тот, кто пробовал войти в нашу страну с мечом, погибал, терпя жестокое поражение. Но именно потому, что советский народ не из пугливых и его нельзя запугать новой войной, он хочет мира и отстаивает дело мира.

Мы не устраиваем «атомных тревог». Над нашими городами не вонзены, как над американскими городами. Мы не выпускаем специальные «пробные» номера газет, смакующих ужасы атомной бомбардировки, газет, которые не только в этих странах, а по два в день есть багиллы атомного сумасшествия, разжигают атомную историю в Соединенных Штатах. Представьте себе мать, дети которой вернулись из школы и рассказывают о том,

как они прятались под партами от воображаемого налета неприятельских самолетов. В это же время возвращается с работы муж и сообщает, что его в момент учебной воздушной тревоги голычками загнули в убежище полищеского. А вечером семья погружена в чтение «пробного издания» «Нью-Йорк джорнал-Америкэн» для целей противополушной обороны и влдет огромный заголовок на первой странице: «На огромном сброшены две атомные бомбы». Затем следует описание «атомного налета» во вкусе желтой печати с оглушительными подробностями.

Зачинщики новой бойни пытаются убедить народы, что война неизбежна. По приучить честного человека мыслить так, как мыслят зверолюбивые адмиралы, отставные и на действительной службе (вроде Радфорда), не так-то просто.

Человек хочет жить, трудиться, растить детей, рываться весне, солнцу. Люди хотят жить, люди хотят, чтобы атомная энергия, величайшее изобретение человеческого разума, была использована для мирных целей, а не для истребления рода человеческого. «И верю в то, что китайцы и англичане, русские и американцы, миллионы простых людей в других странах не хотят войны. Необходимо достигнуть соглашения о разоружении, чтобы все мы могли жить в мире. Поэтому мы не должны сидеть сложа руки, а должны бороться за достижение соглашения о разоружении». — так сказал лейборист Хелфорд на конференции, созванной на днях в Лондоне.

Миллионы людей без различия политических и религиозных убеждений единодушно одобряют Обращение Всемирного Совета Мира против подготовки атомной войны. Каждый честный человек охотно поставит свою подпись под этим Обращением. Единодушная воля народов — сила непобедимая. И она сорвет преступные планы зачинщиков новой войны.

Л. В. НИКУЛИН

БЛИЗКАЯ ЗЕМЛЯ

Андрей ПРИШВИН

Так уж повелось с давних пор, что первое представление о Камчатке почти всегда связывается с последней партией в классе. Проходят годы, подростки становятся взрослыми, а все же нередко Камчатка для них вроде последней партии: и дальневосточная, и посылают туда поохотиться, как в навазине.

Но жизнь вносит свои поправки. И многие молодые люди, окончив институт и получив направление на Камчатку, работают там положенные три года, а затем заключают договор еще на три, потом еще на три... Среди моих друзей с этого полуострова немало есть таких, которые называют по двадцать—двадцать пять лет «камчатского» стажа. Им кажется смешным, когда про Камчатку говорят «даль», и их представления — это близкая земля, потому что родные не может быть далеко.

Во время первой поездки на Камчатку я побывал сначала на одном из крупнейших в стране рыбных комбинатов имени Микояна.

Огромный поселок комбината располагался на галечниковой, намытой морем косе. Ни деревьев, ни травинки. Только по ту сторону реки Большой тускло зеленеет богатая тундра. Суровое Охотское море и в июле летит холодом, то и дело пролетает на берег желтые волны тумана, и тогда в пяти шагах ничего не видно, воздух разрезает пронзительные струны катеров, а одежда, дома, галька — все покрывается, точно инеем, мельчайшей серебристой пылью.

Шла вторая половина июля — начало путины. Горы догора высились на плато, с ними не успевали справиться, а с моря от стальных неводов подавали все новые и новые кунгасы, до краев «налитые» рыбой. Даже на прославленном Северном Баския, пожалуй, не увидишь такого изобилия. На западном берегу Камчатки есть колхозы, которые за месяц — полтора лесовой путины берут по пятьсот — шестьсот тысяч пудов рыбы.

Но ведь не рыбой единой жив человек... И вот мы в пути с западного берега на восточный. Это всего километров двести — пятьдесят.

На десятом километре по берегам реки зазеленел тальник, выше стали травы, из них выглядывали сиреневые ирисы, крупные белые ромашки, голубоватые кусты жимолости, густо осыпанные ягодами. Еще через несколько километров стали попадаться березы; они стояли, оторвавшись от моря, противящаяся в сопках ветви.

А когда позади осталось полсотни километров, то мы будто попали в совершенно другой мир. Ни тумана, ни облаков, низких и всегда беспокойных. Высокий лес шумит над головой, сквозит листво просвечивает ясное небо.

Чем выше в сопки, тем могучее становились березовые леса. Они перемежались прекрасными альпийскими лугами. Мы проходили зарослями селаманки — однолетней, ростом в два метра травы — и изумлялись: какая же сила таится в дешевой земле.

На полях совхоза нам показывали картошку, ботва которой достигала до пояса, а клубни в начале августа были с кулак. Садовники-любители угощали нас клубникой «Викторией» и смородиной, а чтобы набрать поные пригоршни жимолости, голубицы или морошки, часто не нужно было даже сходить с тропы.

Мы пробрались к горячим целебным ключам и опять изумлялись: все, кажется, необходимо человеку предусмотрено эта земля! Мы шли вдоль реки, следя, как в источах стремятся стаи лосося, и встречали осторожных лис-огнегов, беззаботных гонимых, видели множество медвежьих следов, а в воздухе почти непрерывно парили огромные белохвостые орланы — все здесь кормится лососями.

Когда с перевала я взглянул в обе стороны на все роскошное зеленое буйное царство, на сильные заснеженные конусы вулканов вдали, я понял: трудно, наверное, найти край более прекрасный и более благодатный по заложеным в нем природой возможностям.

Вот уже года четыре я время от времени встречаюсь с Иваном Игнатьевичем Маликовым. Он шкипер рыболовного бота «Моряк», живет и работает на восточном берегу под Петропавловском. В прошлые выборы избран депутатом Верховного Совета СССР.

Приехал Иван Игнатьевич сюда в тридцатых годах из таких мест, откуда до моря три года скачи — не доскачешь. С тех пор, начиная с апреля и до глубокой осени, вся жизнь его проходит в море или в небольшой бухточке, где он снаст узел, а зимой — в моторно-рыболовной станции, где он ремонтирует судно и обязательно придумывает что-нибудь новое к очередному сезону. У него нет времени отойти от берега в глубь полуострова, хотя бы на два десятка километров, и поблизиться всем тем, чем богата природа Камчатки. Но откуда же тогда его нежная любовь к этому краю, который кажется суровым и неприглядным?

Однажды я прямо задал ему такой вопрос. И было удивительно и радостно, когда у строгого, собранного, как будто бы сугубо практического человека вдруг весело блеснули глаза. Он ответил одним словом: — Простор.

Какой простор? — Человеку простор. Вот, понимаешь, океан — краю не видать. А ты по нему ходишь, как по своему огороду, и самым первым в стране с солнцем загорается. — И твердо, убежденно добавил: — Тут, я тебе скажу, для настоящего человека краю нет. Сегодня сделал так, а завтра тебя само собой к высшему тянет...

Так у этого смелого и опытного рыбака-новатора понятие «близкая земля» родилось из того дела, которому он посвятил себя, дела, пронизанного страстью и умной борьбой за овладение богатствами величайшего океана мира. И как же это «даль», если именно здесь он ощущает себя нужнейшим человеком и отсюда повел как депутат в Большой Кремлевский дворец, чтобы решать дела всего государства?

Это сочетание дела и романтики я встречаю у многих людей на Камчатке. Муж и жена — Евгений Владимирович Крохин и Фаина Владимировна Крохина около двадцати лет назад приехали сюда молодыми научными работниками. Они извезли здесь полуостров на собаках, верхом, на дождевых лодках — ботах, исхолили его пешком. Много лет они живут у небольшого озера, вдали от населенных пунктов. Гауш? Попрошу сказать это Фаине Владимировне. Она возмущается.

Ну какая же в самом деле глупость, если она и он именно на Камчатке стали крупными учеными, написали и защитили докторские диссертации, если в самых острейших спорах по вопросам биологии рыб они могут сказать свое слово!

Да мало ли таких людей можно назвать среди здешних жителей!..

В жизни Камчатки — крупнейшей рыбной базы страны — много еще великих больших и малых недостатков. Хочу сказать об одной из серьезных причин, которые способствуют возникновению этих недостатков.

Понятие Камчатка, как «несуетной дали», к сожалению, живуче еще и в Миссионерстве. Рыбной промышленности СССР

в наших больших и малых хозяйственных организациях, связанных с полуостровом, существует оно и среди некоторых руководящих работников самой Камчатки.

Ежегодно по всей стране, особенно в центральных ее областях, вербовщики собирают людей на рыбную пугину на Камчатку. Они не скрывают на объявлениях, сулят, что за шесть месяцев (а вербовка идет именно на такой срок) человек вернется домой с туго набитым кошельком. И вот тысячи людей, никогда не виданных моря, высаживаются на западном берегу. Месяц они находятся в пути, месяц присматриваются к новому делу, месяца два работают, а потом снова начинают собираться в обратный путь. Надо ли говорить, какой огромный убыток терпит государство от такой ежегодной перевозки тысяч людей.

Но дело не только в этом. Среди забранных обычно бывает большое количество охотников за «длиным» рублем. А рубль на Камчатке обыкновенной данни, и хорошо зарабатывают, хорошо живут там лишь те, кто поселился всерьез и надолго.

С другой стороны, руководители рыбных предприятий, зная, что «гости» будут у них всего три-четыре месяца, не строят капитальных помпешей, селят людей в палатках; подводят осень, многие из сезонников и рады бы остаться, да жить негде.

Я думаю, что в «сезоннике» таится большое разрушающее влияние. Но почему ли, например, многие важнейшие для Камчатки проблемы решаются так медленно. В частности, берег почти совершенно оторван от средней части полуострова. Людьми годами сидят на галечниковой косе, хотя бы на том же комбинате имени Микояна, и даже не подозревают, что в трех десятках километров от них совсем иной, зеленый и солнечный мир.

Но дело не только в эмоциях. До сих пор на полуостров завозят и свежее и сухие продукты. А долгие реки Камчатки — это благодатнейшее для сельского хозяйства место, где растет все, что нужно человеку. Но развивается там сельское хозяйство медленно, потому что доставлять туда овощи можно только самолетом, либо по реке и морем, кружным путем.

А ведь, связав берег с глубинной частью полуострова хотя бы небольшими дорогами, можно не только развить сельское хозяйство, в частности животноводство (травы-то какие!), но и сделать жизнь рабочих-рыбников более устроенной.

Отсюда же, кажется мне, происходят и многие недостатки в обслуживании людей: «приехали временно, как-нибудь переждут, а потом все равно уедут».

Наверное, надо полностью отказаться от вербовки людей на полтора — этой колоссальной и непродуманной растраты государственных средств. Нечего и скаски распространять о баснословных и легких заработках. Надо прямо говорить людям: «Да, на Камчатке вы будете жить хорошо, возможно, даже лучше, чем во многих других местах, но для этого надо поселиться по-настоящему, освоить дело, работать горячо, со страстью». Надо раскрывать перед молодежью ту стоящую романтику больших дел, которой так много на Камчатке.

Камчатка наша — не «даль несуетная», а советская близкая земля, где рождается день, где природа и сурова, и прекрасна, и щедр, где для человека простор безграничный!

Петропавловск-Камчатский. Городок рыбаков
Фото П. Русанова

Новый легковой автомобиль — «Волга»

«Волга» — так названа новая легковая машина «М-21», созданная коллективом автомобильного завода имени В. М. Молотова. Она идет на смену «Победе», впервые выпущенной в 1946 году.

Главный инженер завода Г. Таурит сообщил в газете «Горьковская правда» следующие данные о новой машине. Она выгодно отличается от прежней модели своим внешним видом, двигателем и конструкцией кузова. «Волга» — пятиместная машина, с несложной формой. У переднего сиденья спинка откидывается, что легко превращает его в спальное место.

Внутри кузова в любое время года можно поддерживать комнатную температуру, — автомобиль оборудован специальным обогревателем. Управление отопителем — рычажное — находится на панели приборов. Здесь же расположены электрические часы, приборная панель, пепельница и обогреватель ветрового стекла. Кроме того, на панели приборов смонтирован портативный радиоприемник. В задней части автомобиля имеется вместительный багажник.

У нового автомобиля передняя подвеска является независимой: передние колеса не имеют общей оси и перемещаются независимо одно от другого. Рессоры служат витые цилиндрические пружины. Верхние рычаги подвески одновременно являются рычагами амортизаторов. Задняя подвеска осуществлена с помощью двух рессор и двух амортизаторов.

Отличная амортизация шасси и комфортабельная сиденья создают большие удобства для пассажиров. У «Волги» существенно улучшена плавность хода, высокоэффективные и надежные тормоза имеют гидравлическое управление.

Автомобиль оснащен новым, более совершенным, чем у «Победы», двигателем мощностью 75 лошадиных сил, который обеспечивает максимальную скорость движения до 130 километров в час. Преимуществом нового двигателя состоит также в его высокой экономичности. У машины автоматическая коробка перемены передач. Автоматический гидротрансформатор позволяет с места брать нужную скорость и спокойно переходить с большой скорости на малую. Вторая и третья передачи при достижении определенной скорости включаются автоматически. Так же автоматически происходит и понижение передач при снижении скорости.

Выпуск легковых автомобилей «Волга» должен начаться в 1956 году.

Конкурс на исполнение произведений А. М. Горького

Казанский музей А. М. Горького, Дом народного творчества и Татарское отделение ВТО провели конкурс на лучшее исполнение произведений А. М. Горького.

В конкурсе приняло участие около ста человек. Среди получивших первые премии студентка Казанского университета Троицкая, прочитавшая рассказ о Пеню, студент индустриального техникума Бузунов, выступивший с чтением отрывка из повести «Фома Гордеев», научный работник Богданов, прочитавший рассказ «Однажды осенью».

Ну, стояло ли из-за одного дня брать билет? — удивляется К. — Впрочем, вы мне, кажется, не верите? — Он хочет сделать вид, что обман.

Но Слинченко жестко обманывает его: — Да, не верю. Идите. Выговор прочтите в прилазе. А посетите повторить что-нибудь подобное, — применю меры более крутые, вплоть до суда. Запомните: вы уже совершеннолетний!

К. прыжок к тому, что заступничество матери и имя отца, ответственного работника, избавляли его от сих пор от многих неприятностей. Ему наплевать на учебу и в техникум. Он рассчитал: после окончания все равно идти в армию. Ну, а дальше... Над дальнейшим ему думать не захотел.

С таким удовольствием старый комсомолец Слинченко высказал все, что думает об этом баранке, а заодно и о тех, кто бездумно и безответственно вручил ему комсомольский билет, а воспитанием не занялся.

Нет, никак нельзя отмахнуться и от него. Ему все-таки только 18 лет, а дух ижевщины, которым он пронизан, еще можно выпустить. И без остатка!

Конечно, таких, как К., единицы. Но вот другой юноша — из тех, кто составлял подавляющее большинство учащихся. О нем никто не ответил плохо: ни мастера, ни преподаватели, ни товарищи. Отец его погиб на войне, мать — пенсонерка. Что привело в техническое училище его, Анатолия Панова?

Сначала Панов собирался поступить в Воронежский медицинский институт, но набрал на экзаменах нестдадять баллов, а по конкурсу принимали только с 17-ю. Вернувшись домой, он поддал завлечению в единственное в городе техническое училище. Теперь планы Панова на будущее ясны: закончить училище (на отличие), чтобы поступить на заочное или вечернее отделение машиностроительного института, совмещая учебу с работой на заводе.

— А мелочишь — что же, по богу? — Ну, — говорит он снисходительным тоном взрослого о детских шалостях, — это было несерьезно. Просто у меня сестра — фельдшер, вот и я решил стать врачом.

И чтобы окончательно убедить меня в правоте принятого им решения, Анатолий приводит самый веский, по его мнению, довод: — Вот и товарищ мой, Шербин, тоже в медицинский хотел. А теперь попал туда и пишет: «Тоя, я разочаровался...».

Видите? Нет, я даже доволен, что меня не приняли.

Можно ли винить Анатолия Панова, что в общем он совершенно не знает, к чему его больше всего тянет? Нельзя. Тем более, что трудится он честно. А задача технического училища состоит в том, чтобы дать ему понять, какое громадное удовольствие приносит человеку любой полезный труд. Сейчас Панов доволен: он воочию видит, что может сделать его руки (теоретические занятия в классе через день сменяются практической работой в цехе).

Практика здесь началась с того, что юношам дали чумазы поковки угольников и сказали: отшлифуйте!

Заявить в тысячу угольников немедленно заялся, сива к нему пригоснулись напильником. Тут-то и обнаружилось, что, прежде чем начать его обрабатывать, надо еще уметь выбирать деталь в тысячу. Затем выяснилось, что держать в руках напильник — тоже нелегкое дело, так как он все время норовит сорваться с угольника... Было даже как-то стыдно оказывать такими ничтожными яками и ничтожными умейками. Но это был хороший старт!

В конце концов, с угольниками справились. На смену им появились топоры, за ними — лжекопелка: еще более сложная конфигурация изделия. Задолго учились читать все более сложные чертежи. И было на редкость приятно ощущать: все это нужно практически, чтение чертежа необходимо уже сегодня, а не когда-то, в неизвестно каком далеком будущем!

К плоскогубцам Анатолий Панов приступил с особым чувством: они шли непосредственно на пилу. Он даже вздохнул от злости.

Мастер усмехнулся: — И сам бы с ними? А ты-то кем отравился? Опять учеником? Нет, брат, квалификация приобретается сначала, — тогда ты и правда станешь дорогим человеком!

Плоскогубцы входили в обязательный комплект инструментов, полагающийся каждой ссылке, изготовленной заводом. Задержать их — значило задержать отправление на пилу всей ссылки. Сознание этого весело в ребят чувство огромной ответственности за свою работу.

...К. запорол поковку. Мастер устроил ему за это разнос, а К. огрызался: «Что вы на меня кричите! Я ведь учусь!» И тут на него поднялась вся группа. Впервые вчерашним десятиклассникам довери-

БОЛЬШОЙ ХУДОЖНИК

К 60-летию
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВСЕВОЛОДА
ИВАНОВА

Вспоминается то чувство благодарности, радости и некоторого изумления, когда на страницах «тогдашней» литературы с такими яркими вещами, как «Бронепоезд 14-69», «Партизанские повести», «Голубые пески», — немадой серой и чуть шершавой бумагой вспыхнули и зазвучали удивительно яркие, прямо осязаемые слова: «...Сыро зеленеет забор тайги...», «...Скачет вода, вскипающая белыми блестящими лапами вешку...», «...Тугой, пахучий морем, камнями и морской травой ветер...», «Лицо Васки Окорока, рыжее, как подсолнушки».

Но поражали не только эти свежие, как бы первородные слова. Всеволод Иванов рассказывал о новом, литературно неосвоенном, захватывающем. На страницах «Партизанских повестей» и «Бронепоезда 14-69» говорилось о том, что пережили молодая Советская страна, советский народ.

С любовью, с сердечным волнением увидели мы простые и по-своему величественные фигуры партизан в героической их схватке с белогвардейцами. Без ложной патетики, без хохолушества показал художник всю глубину их праведного гнева против насильников-интервентов и несекретную связь с угнетенными всего мира.

Перед читателем, вначале словно замеханным от пыльной яркости языка Всеволода Иванова, страница за страницей развертывалась эпическая картина борьбы народа за свое освобождение.

Знаменательно, что прошли годы и годы, но эти произведения не только не утратили своего значения, а словно наполнились еще большей силой.

Вот фигура друга партизан китайца Син Бин-у, с такой простотой отдавшего свою жизнь за общее дело, за русских братьев. Эта страница воспринимается, как исполненный глубокого значения символ нерасторжимого единства трудящихся любых оттенков кожи, разных языков. И прежде всего как символ верной дружбы русского и китайского народов.

А можно ли без сердечного волнения пережить спену, когда партизан с душевной готовностью, с великой верой в свое дело агитируют пленного американского солдата. С какой жизненной правдой раскрывает писатель великую истину, что это они, исцеленные в долгих походах мужчины, — носители подлинного братства народов и гуманизма.

«Не вините. По-русски-то не знает, безнужно», — болезненно изрекает Васка Окорок, агитирующий солдата. Бывший портной рабочий партизан Знобов позвал американца. «Американец пошел. Мужики опять собрались, опять задышали хлебом, табаком».

— Ленин, — сказал твердо и громко Знобов и как-то нечаянно, словно оступился, улыбаясь. Американец вздрогнул весом телом, блеснул глазами и радостно ответил: «...».

Незабываема и фигура председателя подпольного революционного комитета Пеклеванова. Недаром К. Станиславский, исполнивший ставший «Бронепоезд 14-69» на сцене МХАТ, видел в этом «послание Ленину» «центр пьесы и спектакля».

Художник, рисуя Пеклеванова, по собственному его признанию, больше всего боялся власти в «фальшивый пафос и декларативность», стремился сделать своего героя возможно более обыденным.

В этом человеке небольшого роста нет хохолушества, помпезности. Но во внешне непримечательной фигуре писателю удалось воплотить огромную силу и организующую силу коммунистов-ленинцев.

Спектакль «Бронепоезд» на мхатовской сцене был поворотным моментом в развитии театра, его первой заявкой на современную, дорогую советскому зрителю, тему. В нем волею судьбы талант писателя и исполнителя — Качалова, Хмелева, Баталова, Кедрова, — которым представлялась возможность во всю ширь развернуть свое дарование. И это понятно. Писатель, вошедший в

литературу с такими яркими вещами, как «Бронепоезд 14-69», «Партизанские повести», «Голубые пески», — немалой пытал, велел и пережил. Он пришел, как это принято говорить, «из гущи жизни». Был наборщиком, фокусником, жил в почтенных домах, в жарочных балабах, в трущобах Омска, Екатеринбург, Челябинска.

Ближайший литературный советчик и друг молодого писателя Максим Горький, по первым произведениям распознанный талант Всеволода Иванова, в своем письме к нему отметил, что в известной мере их биографии родственны: «Знайте, что всем нам, знающим жизнь, кроме человека, верить не во что. Значит, — надо верить в себя, надо знать, что вы не только судья людям, но и кровный их друг».

В этом «знающем жизнь» молодом писателе Алексее Максимовиче заботливо укрепил веру в свое призвание, укреплял его доброе, светлое мироощущение.

«В первом письме, полученном мною от Горького, было два слова: «Берегите себя». Не я берет себя, а меня оберегает эти слова. Право, мне кажется, что без них я вряд ли бы выжил. Хотя я и происхожу родом из упорных и крепких казаков, тех, что шли с Ермаком в Сибирь, однако 1917—1920 годы были столь грозны и тагостны, что падали и гбли люди последние и поздоровей меня...», — свидетельствует Вс. Иванов.

И, в полной мере изведав трудности и суровые испытания, писатель все же выражает свой восторг перед жизнью: «... Жизнь хороша сама по себе... она заслуживает восторга, востого и многолетнего, как дуб, и удивления, животного и светлого, как дождь!».

Это «светлое удивление» жизнью отделиво звучит и в первых книгах автора, таких, как «Бронепоезд 14-69», «Партизанские повести», «Цветные ветра», согревает оно и лучшие странички книги «Похлодения факера» и произведения последних лет: очерки «По родным местам», рассказы «Отчет Петра Бондаренко», «Джунгарский цветок» и другие.

При этом художник свободен от какой бы то ни было слащавости — он суров и прав. Больше того, с особенной силой Вс. Иванов умеет обладать свойственные жизни контрасты.

Думается, это умение видеть жизнь со всеми ее трудностями, в суровой ее простоте помогло художнику столь убедительно рассказать о терпе гражданской войны, славному командиру Александру Пархоменко, о мужественной его жизни и борьбе.

Если вообще уместны сопоставления, то быть может, по изобразительной силе роман «Пархоменко» уступает лучшим из ранних произведений Вс. Иванова. Но художник, чье творчество неустанно развивается, чей труд сложен и труден, свойственно ставить перед собой новые, нелегкие задачи.

В героическом сыне народа, красном командире Пархоменко, как бы сочетаются могучая стихийная сила Бершинных и организующая революционная воля Пеклеванова. Творческое раскрытие того нового, что увидел художник в фигуре большевика Пархоменко, было его большой, почетной задачей.

Неустанные творческие поиски, многогранность характера для Вс. Иванова. В своей последней пьесе «Домососов» писатель показал эту дорогу для всех нас историческую фигуру, стремясь воплотить в образе искусства всю мою таланта великого народа.

Впрочем, не в объеме газетной статьи следует говорить о глубоком и многогранном творчестве Вс. Иванова. Можно только пожелать, чтобы постигне многолетней работа творческая работа этого большого, своеобразного художника.

Валерия ГЕРАСИМОВА

НА ТЕМУ ВОСПИТАНИЯ

В техническом училище

Директор одного из крупнейших в стране предприятий сельскохозяйственного машиностроения — Кировоградского завода «Красная звезда» — еще недели за две до Октябрьского праздника позвонил директору только что организованного на базе завода технического училища:

— Алло! Слинченко? Здравствуйте, Алексей Афанасьевич! Говорит Крючков. Хочу поинтересоваться, к чем вы решили идти на демонстрацию? Еще не думали? А я намерен предложить вам идти с заводом — пришла в выводу, что место нашим молодым только одно: с нами. Ведь через год они придут к нам советом, так пусть уже сейчас привыкают считать себя заводскими. А поставим вас на самом виду — во главе колонны, чтобы молодежь чувствовала, как встречает ее рабочий класс.

Слинченко с удовольствием согласился на почетное предложение Крюčkova. Но уже через несколько дней получила ватный шар за свое опрометчивое, как ему разъяснили, согласие. Оказалось, что, согласно постановлению, техническое училище № 1 должно было идти с Управлением трудовых резервов.

Правда, в конце концов все кончилось благополучно. Училище, полное гордости за оказанную честь — возглавить заводскую колонну, так прошагало перед трибунами, что ему долго и дружно аплодировали. Слинченко кивочера не дали.

Однако от него этого у директора училища остался неприятный осадок. Снова и снова задан он себе вопрос: что же такое техническое училище? Только ли курсы, от которых требуется одно: поскорее и побольше дать профессиональных знаний и навыков грамотным, но не имеющим специальности юношам и девушкам, или кое-что и сверх этого? С какого времени воспитанники училища должны чувствовать себя уже не только учащимися, но непосредственно рабочим классом? Надо ли отговаривать этот момент или, наоборот, всемерно приближать его?

Несомненно в этом дала себя знать на каждом шагу. Например, республиканское Управление трудовых резервов, согласно на директивы, полученные из Главного управления, настаивало: создайте непременно самостоятельный хор, самостоятельные спортивные команды, самостоя-

тельную самостоятельность, хотя у техникум нет своего клуба, а завод сердечно предлагает идти к нам, у нас отличные клубы, превосходные спортзал и стадион. Да и зачем вам обособляться от заводского коллектива?

Несмотря на то, что по служебной принадлежности Слинченко полагалось бы отстаивать точку зрения управления, он не мог скрывать, что душой — за сближение с заводом. Он считал, что за одиннадцать месяцев училище должно дать юношам и девушкам не только определенную производственную квалификацию, но нечто большее — ясное представление о том, что настало время, когда с них уже можно и должно спрашивать: ну, а что вы собираетесь дать стране? До сих пор вас учили отчитываться только за то, что вы получили от нее. Теперь вы взрослые. Что вы способны дать ей взамен?

К сожалению, десятилетка, откуда молодежь пришла в училище, почти не готовила к ответу на этот вопрос. Ребята не могли ответить не потому, что не хотели, а потому, что не знали. Школа не вооружала своих питомцев знанием какого-нибудь физического процесса, навскидку к физическому труду вообще. В подавляющем большинстве своем ученики не могли даже сказать, к чему их особенно влечет, и попросту терялись, когда подходила пора репать: а кем я действительно хочу быть?

Однако, какой бы ответ выпускники ни давали на это, все равно он подразумевал год новой учебы вперед. Десятилетка психологически готовила только к тому, что учеба непременно будет продолжена в вузе.

Техническое училище отражало все это безжалостно. Слинченко на каждом шагу сталкивался с последствиями недостаточного воспитания у школьников чувства ответственности за совершенные поступки.

На первых же порах ему пришлось звывать к себе молодого человека, прогулявшего накануне полный рабочий день: — Почему вы вчера не были на занятиях, товарищ К.?

Юноша смотрит ясными нагловатыми глазами.

— У меня болела голова.

— Неужели так болела, что не нашлось сил дойти до поликлиники?

кажется, не верите? — Он хочет сделать вид, что обман.

Но Слинченко жестко обманывает его: — Да, не верю. Идите. Выговор прочтите в прилазе. А посетите повторить что-нибудь подобное, — применю меры более крутые, вплоть до суда. Запомните: вы уже совершеннолетний!

К. прыжок к тому, что заступничество матери и имя отца, ответственного работника, избавляли его от сих пор от многих неприятностей. Ему наплевать на учебу и в техникум. Он рассчитал: после окончания все равно идти в армию. Ну, а дальше... Над дальнейшим ему думать не захотел.

С таким удовольствием старый комсомолец Слинченко высказал все, что думает об этом баранке, а заодно и о тех, кто бездумно и безответственно вручил ему комсомольский билет, а воспитанием не занялся.

Нет, никак нельзя отмахнуться и от него. Ему все-таки только 18 лет, а дух ижевщины, которым он пронизан, еще можно выпустить. И без остатка!

Конечно, таких, как К., единицы. Но вот другой юноша — из тех, кто составлял подавляющее большинство учащихся. О нем никто не ответил плохо: ни мастера, ни преподаватели, ни товарищи. Отец его погиб на войне, мать — пенсонерка. Что привело в техническое училище его, Анатолия Панова?

Сначала Панов собирался поступить в Воронежский медицинский институт, но набрал на экзаменах нестдадять баллов, а по конкурсу принимали только с 17-ю. Вернувшись домой, он поддал завлечению в единственное в городе техническое училище. Теперь планы Панова на будущее ясны: закончить училище (на отличие), чтобы поступить на заочное или вечернее отделение машиностроительного института, совмещая учебу с работой на заводе.

— А мелочишь — что же, по богу? — Ну, — говорит он снисходительным тоном взрослого о детских шалостях, — это было несерьезно. Просто у меня сестра — фельдшер, вот и я решил стать врачом.

И чтобы окончательно убедить меня в правоте принятого им решения, Анатолий приводит самый веский, по его мнению, довод: — Вот и товарищ мой, Шербин, тоже в медицинский хотел. А теперь попал туда и пишет: «Тоя, я разочаровался...».

Видите? Нет, я даже доволен, что меня не приняли.

Можно ли винить Анатолия Панова, что в общем он совершенно не знает, к чему его больше всего тянет? Нельзя. Тем более, что трудится он честно. А задача технического училища состоит в том, чтобы дать ему понять, какое громадное удовольствие приносит человеку любой полезный труд. Сейчас Панов доволен: он воочию видит, что может сделать его руки (теоретические занятия в классе через день сменяются практической работой в цехе).

Практика здесь началась с того, что юношам дали чумазы поковки угольников и сказали: отшлифуйте!

Заявить в тысячу угольников немедленно заялся, сива к нему пригоснулись напильником. Тут-то и обнаружилось, что, прежде чем начать его обрабатывать, надо еще уметь выбирать деталь в тысячу. Затем выяснилось, что держать в руках напильник — тоже нелегкое дело, так как он все время норовит сорваться с угольника... Было даже как-то стыдно оказывать такими ничтожными яками и ничтожными умейками. Но это был хороший старт!

В конце концов, с угольниками справились. На смену им появились топоры, за ними — лжекопелка: еще более сложная конфигурация изделия. Задолго учились читать все более сложные чертежи. И было на редкость приятно ощущать: все это нужно практически, чтение чертежа необходимо уже сегодня, а не когда-то, в неизвестно каком далеком будущем!

К плоскогубцам Анатолий Панов приступил с особым чувством: они шли непосредственно на пилу. Он даже вздохнул от злости.

Мастер усмехнулся: — И сам бы с ними? А ты-то кем отравился? Опять учеником? Нет, брат, квалификация приобретается сначала, — тогда ты и правда станешь дорогим человеком!

Плоскогубцы входили в обязательный комплект инструментов, полагающийся каждой ссылке, изготовленной заводом. Задержать их — значило задержать отправление на пилу всей ссылки. Сознание этого весело в ребят чувство огромной ответственности за свою работу.

...К. запорол поковку. Мастер устроил ему за это разнос, а К. огрызался: «Что вы на меня кричите! Я ведь учусь!» И тут на него поднялась вся группа. Впервые вчерашним десятиклассникам довери-

ли настоящее, большое, государственное дело, и они не желали мириться с тем, что кто-то из них посмеет подходить к нему спустя рукава!

Конечно, не так-то много пар плоскогубцев изготовляют в техникум. Но никто не превзойдет его учеников в старательности. Недаром сам директор завода говорит о том, что эти плоскогубцы сделаны на пиле, и действительно, их приятно взять в руки: так удобно они ложатся в ладонь, так плотно и легко сжимаются. Ясно: вещь сделана с любовью. И хотя обучение этому не предусмотрено в программах, но, право же, это не менее важно, чем то, что записано в них!

Мастера производственного обучения бесшумно определяют: эту деталь пилфовали Мельник, эту — Бойда, а вот эти — Баранов или Дмитриев. У ребят начинается выработаться собственный производственный «почерк». С какой теплотой и волнением рассказывает в кабинете директора о своем ученике Бойда Павел Петрович Левичкин — лучший калычник завода, сначала не без сожаления сменявший свое рабочее место на должность мастера технологича.

— Все! Приварили меня к себе ребята. Вот послушайте: не успел Колда к концу смены закончить отделку циркуля, — ну, возьми, положи его в шкафчик. Так нет! Достает из кармана чистый носовой платок, завертывает циркуль и спрашивает: «Павел Петрович, куда его спрятать, чтобы не попаривали?» Вот это парь! Подожгите, он еще артистом станет в нашем цехе!

После занятий в учительской, в кабинете директора, в комнате мастеров ютло не затихают разговоры. Техническое училище — дело новое, и, естественно, очень много еще здесь нерешенных вопросов.

Так, завод «Красная звезда» выделил своему училищу плохое помещение: классы тесные, низкие, сырые, воздух в них смертный, коридор такой, что двоим не разминуться. Нет здесь и общестия, ребята размещаются кое-как, снимают втридорога уют. Учащиеся ремесленных училищ, не обеспеченных жильем, хоть полагаются дополнительные к стипендии деньги на квартиру, но ученики техникумных этих денег неизвестно почему не получают.

Учебные программы справедливо требуют обучать ребят на самом современном оборудовании. Но как быть, если завод не может дать училищу такое оборудование,

потому что оно у него постоянно занято выпуском плановой продукции?

Не учитывают программы реальной действительности и кое в чем другом. Например, курс подготовки контролеров ОТК предусматривает специальные часы для ознакомления учеников с зубодобывными и зубострогальными станками, а на «Красной звезде» их нет, потому что для его продукции они не нужны. Между тем учащиеся готовят для работы именно на «Красной звезде». Так где же их знакомить с этими станками? И главное — для какой практической потребности?

По некоторым разделам программа рекомендует учеников, которые трудны даже студентам. Есть замечания и по поводу теоретической части курса для слесарей. Ее следовало бы сократить, зато прибавить часов на практику. Ведь слесари — это половина кировоградского технического училища (вторая половина — контролеры ОТК и фрезеровщики).

И еще, и еще, и еще вопросы. В какой форме, например, дать хотя бы основы педагогических знаний мастерам производственного обучения? Завод выделил на работу в училище лучших производственников, но ведь они стали теперь и педагогами. Поэтому правильно ли мириться с тем, что у них нет никаких педагогических навыков?

Или еще такой вопрос: у технического училища нет ни копийки на культурно-массовую работу. Даже на то, чтобы приобрести бумагу, краски и кисти для выпуска стенгазеты. Разве это нормально?

Наконец, — и это больше всего волнует работников училища, — хочется сравнить постановку дела у себя и у других, получить, а может быть, и поправить за счет-то своих товарищей, а также руководителей из Управления трудовых резервов и из «смелого» министерства — промышленности. Обязательно надо бы им послучить! Но ни Главно, ни Украинское управления трудовых резервов такими встречами работников технических училищ пока не балуют.

Техническое училище — государственное важное дело. Поэтому как можно скорее должны быть решены все вопросы, от которых зависит их правильная, нормальная работа.

Руд. БЕРШАДСКИЙ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

В РЯД ЛН можно изобразить острые, животрепещущие конфликты, характерные для нашего времени, и вместе с тем бояться глубокого проникновения в психологию как положительного героя, так и его противника.

ГЕРОЙ И ЕГО ПРОТИВНИК

Ведь совершенно очевидно: чем сильнее и опаснее противник, тем драгоценнее победа, одержанная героем. И наоборот, ничтожна цена превосходства, выказанного самим же героем, если оно завоевано в борьбе с неуемым трусом или слабохарактерным оболтусом.

Нет, отрицательный персонаж не играет в подзаказе с нашим героем. Эта борьба требует предельного напряжения духовных и физических сил. Придурковатого и ридачитого противника победить нетрудно. Труднее перехитрить хитрого, ослепить сильного, обезоружить хищного, перестроить умного, обогнать быстрого, переубедить упрямого, распознать кривоногого, у которого и раскаяние — мнимое, и искренность — поддельная, и нежность — фальшивая. Точно так же, как нам не нужен какой-то стерилизованный «идеальный герой», нам не нужен «идеальный злодей».

К сожалению, мы постоянно встречаем его в романах, пьесах, фильмах. Это анемичный субъект, лишенный характера, из тех, которые всегда предупредительно подчеркивают свое ничтожество в сравнении с героем; которые бурно и бойко пересказываются после первого же собрания, которые падают замертво, едва наш герой захватится, еще до того, как он успел по-настоящему ударить.

Наш герой не должен обманываться по поводу подлинной силы своих врагов, с которыми ему, возможно, придется в романе или в пьесе спорить, сориться, враждовать и, может быть, даже воевать. Лучшие книги, запечатлевшие военные подвиги советских людей, изображают противника правдиво: сильным, опасным. Авторы этих книг, завоевавших себе прекрасное доверие, не боялись показать, каких больших жертв стоила нам победа.

Мы вновь видим, как отряд Левинсона прорывается сквозь огненную засаду врага. Восемнадцать всего восемнадцать бойцов насчитал Левинсон после разгрома отряда. И тем не менее книга, названная «Разгромом», полна величественного оптимизма, воинственной веры в грядущую победу. Разве на измученных лицах партизан не играют отблески этой победы? Разве Левинсон и Варя не видели сквозь слезы сияние завтрашнего дня?

Следовательно, мерой оптимизма произведения является не то, сколько персонажей выжило и сколько погибло. Оптимизм произведения, даже если его героев постигла трагическая участь, измеряется тем, сколько читателей страстно захотят подражать доблестным героям книги, погибшим или оставшимся в живых, сколько читателей почувствуют себя наследниками их славы.

Обратимся к книгам о Великой Отечественной войне, и мы еще раз убедимся в том, сколь существенно правдивое изображение противника.

Мы вновь видим пятна крови на вытоптанном снегу, где тяжело и долго бился врупашину в смертном поединке Василий Теркин; бился с фашистом, который был «сильн и ловок, ладно скроен, крепко сплит, он стоял, как на подковах, не пугай — не победит».

Мы вновь видим плечистого, толстогорлого фашиста с рукой, перетянутой красной ниткой кордалов, командира голованного гитлера, фашист беззаботно под огнем ед яблока, не причаясь в люк танка. «Он сидел на танке, словно идиот солдатской самоуверенности», — «верил в свою силу и храбрость» до последней минуты, пока его не позарала ягжедая рука бойца Игнатьева (повесть В. Гроссмана «Народ бессмертен»).

В последние годы наша военно-художественная литература, а вместе с ней и киноматография, понесла большие потери от критического огня, который вели незалежные и близорукие наводчики, поборники «теории» бесконфликтности.

Еще в «Василии Теркине» А. Твардовский зло иронизировал над теми, кто изображал многотрунный ратный подвиг в розовом свете. Что общего с правдой имеет тот сусальный герой, который

Русской ложкой деревянной
Всемь француз уложил!

И тем не менее этот сусальный герой еще долго продолжал, как пацаны, размахивать деревянной ложкой, «поражая» врагов. Герой, вооруженный сим чудотворным холодным оружием, сильно наследовал на страницах наших книг и на экранах. Враги в этих книгах и кинофильмах уподобляются опереточным злодеям, которые терзаются жадом своего разоблачения, а наши герои в борьбе с врагами чудесно неуязвимы и всегда пригодно благодарны.

Вспомним экранизацию повести Э. Казакевича «Звезда». Вопреки сокровенному художественному смыслу и самой повести и сценария, чьи-то холодные руки привлекли к фильму благополучный конец, плад кабинетной самостоятельности. Развешиваем Травянка, которые погбли, смертью своей утвержда победу, было даровано канцелярское бессмертие. Откуда же такое неуважение к нашему кинозрителю?

В книгах, фильмах о войне конфликты основаны на столкновении враждебных, антагонистических сил. Конечно, и сейчас источником конфликта может быть столкновение героя романа, пьесы со злодеями, с вредителями, с людьми, глубоко враждебными нашему социалистическому строю. Но в мирной обстановке враги редко действуют в открытую, а героям наших дней весьма редко приходится проявлять свойственный характер в рукопашной схватке.

Сферой действия современного героя является наше общество, где нет антагонистических классов, но где возникают, живут и умирают противоречия; преодолевая их, наше общество движется вперед.

Люди, которых не разделяют классовые противоречия, могут при этом находиться на разных идейных позициях, они по-разному относятся к общественному долгу и к требованиям нашей морали, этики; не все правильно понимают, что такое хорошо и что такое плохо; одни являются носителями передовых идей нашего времени, а другие находятся во власти цепких и лживых переделков старого. И эта борьба нового со старым имеет свой пафос, в этой борьбе заключены острые конфликты современности.

Только при разном идейном уровне и духовном развитии действующих лиц книги или пьесы, при разности их мироощущения и мироустройства может возникнуть та волшебная температура, при которой заключаются характеры и происходит нравствен-

ный рост героев. Только в сложных, многотрудных, а порой трагических обстоятельствах, в жизни, полной динамики, характер героя может получить мощный толчок для своего движения.

Я не призываю к нарочито подобранным трагическим событиям и происшествиям в жизни героев, к предвзятости, ради пушного сюжетного интереса, душевному неблагоустройству героев, — отнюдь нет! Но ведь не секрет, что многие из нас, авторов книг, вышедших в последние годы, искусственно оберегали героев от лишений и заблуждений, болезней и ошибок. А между тем все эти беды угрожают в жизни любому, даже тому «идеальному герою», которого усердно ищут в капустных грядках классные дамы от литературы.

Разве можно убедительно и достоверно изображать столкновение индивидуальностей и при этом рисовать противника нашего героя человеком двух измерений, лишенным психологической глубины? Где же и в чем тогда проявляется духовное богатство героя?

Насколько менее значительной оказалась победа профессора Вихрова, если бы не так ярок и убедителен был образ Грацианского, если бы Леонид Леонов побоялся заглянуть в душевное «подполье» врага. Грацианский — друг юности Вихрова, не прямодельный злодей, а талантливый легионер, изощренный ледец, трудно уловимый оборотень, ловко прикрывающийся самыми высокими идеями и понятиями. Не один раз всю жизнь соблаздался торжествовать, пока не было победоно высокой правды.

Значит, мы должны уметь очень пристально всматриваться в черты лица, даже если это лицо нам неприятно, несимпатично или ненависто. Мы должны заглядывать в такие тайники и закоулки души, которые идейный противник героя держит от него на замке. Если мы следим за ходом мыслей героя, вправде ли мы, из чувства ложной стыдливости, гнушаться описанием внутреннего мира его противника?

Писатель не вправе забывать о всей логике развития образов и характеров, вступающих в конфликт, не вправе забывать о неодолимой закономерности победы нового над старым, об обреченности врага. Мы не хотим и не станем злоупотреблять логикой психологизирования, копаться в чьих-то душевных нечистотах. Но поскольку именно в борьбе с идейным противником проявляется богатство души и цельность характера нашего героя, мы не вправе обходить внутренний мир этого противника — пусть читатель представит себе его переживания и страстишки, грязь его мыслишек и нечистоплотность чувств.

И пусть противник одержит иной раз в споре или единоборстве с героем временную победу. Пусть герой ошибется, не сразу распознать гнилую сущность, яд враждебной психологии, скользкое поведение, вероломство противника. Пусть на протяжении каких-то глав романа или актов пьесы герой останется в заблуждении насчет опасного и хорошо применявшегося в местности противника. Тем убедительней будет конечная победа, потребовавшая от героя напряжения всех сил, ума и сердца.

Но такого рода поединки могут состояться только при условии, если противник будет не картонной фигурой, а личностью, чья психология и поведение мотивированы, художественно убедительны.

Писатель в полной мере отвечает за идейное содержание своего труда, писатель хочет, чтобы его книга вела читателя вперед, утверждала жизнь, необиоримо новое, вселяла уверенность в победу этого нового, вдохновляла на борьбу, возбуждала желание подражать его героям, разжигала ненависть к противникам. Но у некоторых критиков есть скверная манера высказываться с писателем отдельно за отрицательных персонажей его книги — за каждый их скверный поступок, прежде всего — отрицательных, частую мысль, мелкую мету — вне связи с общей идеей произведения.

Крайне беспокойство тех критиков, которые полагают, что мороз не должен быть холодным, вызывают обычно попытки автора глубоко проникнуть в психологию отрицательного персонажа. Тут особенно часто предъявляется обвинение в «объективизме».

Недавно журнал «Звезда» (№ 11, 1954 г.) опубликовал статью критика В. Назаренко «Идейность мастерства», автор которой проповедует убогую прямолинейность в литературе и демонстрирует свое весьма вульгарное представление о том, что такое идейность мастерства. Бритик не доверяет интуиции, ум читателя и считает, что писатель с самого начала должен дать читателю, так сказать, «компромизирующий материал» на каждого отрицательного персонажа.

Не вдаваясь в обсуждение достоинств и недостатков романа «Времена года», следует сказать об обычных положениях статьи В. Назаренко, потому что они мешают решению столь важного вопроса, как изображение противника.

Рассуждая о романе В. Пановой «Времена года», В. Назаренко усматривает «объективизм» прежде всего в обрисовке отрицательных персонажей. Критик очень волнуется тем, что отрывки субъекты, скверные типы, живущие в книге, не изготовлены из палье-маше, а сотворены из крови и паоти.

Глава, в которой описано возвращение Геннадия Курпирова с курорта, начинается с унылым осенним пейзажем. Видно, за авторским монологом появляется Геннадий — он приехал из Батуми в бесплякатном вагоне, без гроша в кармане, он зол на мать, которая не отвела на четыре телеграммы и не выслала денег, он охвачен глубоким отравлением к серому городу, в слякоти, к ложду. Казаюсь бы, нарисованный автором пейзаж слякотного осеннего дня помогает нам лучше представить себе мерзкое душевное состояние Геннадия.

Но оказывается, что унылый осенний пейзаж, данный В. Пановой, это — картинка, не пацеленная идейно (!). Оказывается, что пейзаж этот «...наполняется несостоятельным смыслом, настроениями «мирной скорби» насчет осеннего увядания». Оставляя в стороне кощупачные эти фразы, надо все-таки сказать «насчет увядания» в ней здравого смысла.

Когда же мы избавимся от этого ханжества, от этих неблагодарных и неуместных критических обзоров? Ведь если ве-

рить В. Назаренко, нарцанные фасады домов, залитых солнечным светом, — пейзаж идейный, а уродливые мокрые дымоходы и облупившаяся штукатурка домов в дождливую пору — пейзаж безидейный!!

Назаренко продолжает: «Но, подчеркивая ущербность психики Геннадия, правомерно ли социализироваться с ним по части эмоций? Чуждая психология? Так и быть, показывайте. Чуждые эмоции? Ни в ком случае! Или вас сейчас же обмят в том, что вы солидарны с негодием. Этак можно обвинить в солидарности с подлецом «по части эмоций» актера, проникновенно играющего Яго, а исполнителя роли Молчалина — в подхалимстве...»

Читаем статью дальше: «Разве не должен автор суметь увидеть осенний город иначе, чем Геннадий? Нет, в этот момент не должен! — отвечаем мы критику с твердой уверенностью в голосе. То, что в этой главе художник рисует город соответственно настроению Геннадия, не заорно для художника, это оправдано его замыслом.

Ведь писателю совершенно необходимо иногда, подобно актеру, влезть, что называется, в шкуру персонажа. В какие-то моменты нужно уметь показать, как смутит на нашего героя его противник, хотя эта точка зрения, само собой, вовсе не совпадает с авторской.

Это не значит, что писатель должен изображать противника, «добро и зло вынимая равнодушно». В арсенале писателя великое множество красок, оттенков, интонаций, — от иронии до сдержанной безразличности, — с помощью которых он решает трудную художественную задачу. Иногда одно слово, одна черточка лица, тонко подмеченная и освещенная, один взгляд, жест, шаг, шажок выдают врага с головой. Много словесных находок в «Русском лесу», когда автор ведет речь о Грацианском. Или вспомним, как во «Времена года» Боршавич обреченно и тревожно оглянулся на мглавие след исключенному из партии жулику Рельскому. Но несостоятельно утверждение В. Назаренко, что Боршавич «не может быть искренним и надежным с собой», неуместно требование критика, чтобы В. Панова с самого начала разоблачила Боршавича.

Всегда важен и вопрос о взаимоотношениях писателя и его героев. Многие наши герои лишены необходимой внутренней свободы, они скважны, стеснены в своих поступках. Читатель подобный книг все время чувствует присутствие автора, его назойливое вмешательство, все время видит белые нитки, за которые автор дергает своих героев. Отрицательные персонажи здесь выступают только как растрепанные (или неуклюжие) исполнители авторских поручений. Они состоят у него на побегушках и не всегда действуют сообразно своим характерам. Такой персонаж «искусственный» лишен естественности, психологической и эмоциональной достоверности поведения.

«Художественное произведение, — мудро напоминает Алексей Толстой, — должно вырастать вместе с ростом самого художника, творческого его произведения. Что это значит? Это значит, что писатель рисует как-то персонажей, дает им слова, действия, столкновения. Эти персонажи начинают жить. Они начинают жить самостоятельную жизнью настолько, что часто они уже ташат за собой и самого творца — писателя. «Порт возьми, ведь по плану должно быть так, а ведь вот как получаются». И вот это очень хорошо, это значит, что художественное произведение стало настоящим, оно наполнилось соками, жизнью, кровью. Тут и получается настоящая занимательность. И в самом разгаре работы не знаю, что скажет герой через пять минут, я слежу за ним с удивлением».

Не следует толковать эти слов так, что автор отстает на волю воли, что он признает над собой власть вселенного и бесстрастного объективизма. Но он доверяет героям, которых описывает, с уважением относится к ним и без дешевого пренебрежения к их противникам, пишет цельные характеры, пластичные образы. А сколько еще писателей наскутало волю своих персонажей, прежде всего — отрицательных, в угоду залуманной сюжетной схеме. Часто еще писатели толкают персонажей своих пьес, романов на поступки, которые внутренне этих самых персонажей возмущают, потому что противоречат их натуре, интеллекту, привязанностям, их душевному состоянию. И тогда правда характеров вступает в противоречие с правдой конфликта — роман или пьеса рушится.

В романе А. Первенцева «Матросы» все время наткнешься на вопиющую неестественность поведения отрицательных персонажей — пригласили ли мы пристальнее к карьере и цинику Черкашину или к дешовой обольстительнице Ирине, которая буквально рекламирует свою причастность к шпионажу.

В пьесе А. Боршавича «Брылья» бюрократ Дремлюга выставляет свои грязные намерения наложак, разговаривает и действует с немудрой откровенностью, изобличая самого себя. Тем самым терется цена вытывания и тонкой пронзительности Ромодана, — вместе с героем не о чем догадываться зрителю.

Нет, нам не нужна вульгарная «плоскость» рашника и при изображении противника нам не безразличны и его чувства, замыслы, поступки, как бы они были они мелкотравчатые или нечестоватные, как бы они внутренне ни возмущали автора, героя книги и читателя. Ведь чем больше характер нашего героя, с тем большей нетерпимостью он относится ко всему грязному, безразветвенному вокруг себя.

Писатель, который чурается изображения психики и эмоций противника, подобен капитану корабля, страдающему водообоязью, или хирургу, у которого дрожат руки при виде крови, или саперу, забывшему о том, что бывают мины с несколькими сквернонашими сюрпризами.

И во имя любви к миру, к социалистическому Отечеству, во имя любви ко всему красивому, прекрасному мы не вправе говорить невинной скороговоркой о том, что нам мешает двигаться вперед. Дыханием своим, сердечным, голосом, с той могучей силой искренности, с той страстью и непримиримостью, которые завелал нам Маяковский, мы будем и впредь лютой ненавистью ненавидеть «все, что в нас ущемляет рабским бытием, будем разоблачать врагов, которые «ходят по нашей земле и вокруг».

Евгений ВОРОБЬЕВ

На лыжной прогулке в районе Рига. Фото Е. Яценева

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Назревшая необходимость

Древнерусская литература занимает важное место в истории русской культуры. Истоки многих литературных явлений настоящего начинаются именно там, в глубокие веки. Большое патристическое значение многих произведений древнерусской литературы неоспоримо, а отсюда и велика ее воспитательная ценность.

Однако изучение древнерусской литературы поставлено еще недостаточно широко. Единственный ныне существующий центр по изучению русской литературы XI—XVII вв. находится в Ленинграде, в Пушкинском доме Академии наук СССР, — это всего лишь сектор исследовательского института. В силу своей малочисленности он не может разрешить всех важнейших вопросов, стоящих перед специалистами этой области науки.

До Великой Отечественной войны и некоторое время после войны сектор древнерусской литературы существовал и в Москве, при Институте мировой литературы имени А. М. Горького. Сейчас назрела необходимость снова организовать этот сектор. В Москве проживает большинство специалистов по русской литературе XI—XVII вв. Рукописные хранилища столицы содержат значительное количество неиспользуемых материалов древнерусской письменности.

Вопрос о создании в Москве центра по изучению русской литературы XI—XVII вв. дважды обсуждался на заседаниях бюро отделения литературы и языка Академии наук СССР. Было признано целесообразным организовать сектор или группу в составе Института мировой литературы имени А. М. Горького. На общем собрании членов отделения литературы и языка Академии наук СССР 31 декабря 1954 года снова был поставлен вопрос об организации сектора древнерусской литературы в Институте мировой литературы имени А. М. Горького, но до сих пор ничего для этого не сделано.

Создание в Москве центра по изучению древнерусской литературы не только творчески объединит самый большой в стране коллектив специалистов в этой области, но и заставит сектор древнерусской литературы Пушкинского Дома Академии наук СССР еще более широко развернуть свою деятельность, создать здоровую атмосферу научного соревнования между двумя секторами, поможет скорейшему разрешению многих актуальных проблем в области русской культуры XI—XVII вв.

В. МАЛЫШЕВ,
научный сотрудник сектора древнерусской литературы Пушкинского дома

Книги для детей

Бражкин И. Страна желанная. Повесть. Архангельское книжное издательство. 258 стр. Цена 5 руб. 75 коп.

Видле Э. Человек закона. Рассказы. Для старшего возраста. Перевод с эстонского. Рисунки М. Аксельрода. Детгиз. 180 стр. Цена 3 руб. 30 коп.

Гурьян О. Набег. Историческая повесть. Для младшего возраста. Рисунки Г. Филипповского. Детгиз. 175 стр. Цена 3 руб. 45 коп.

Заречная С. Иовина и ее друзья. Повесть. Для среднего и старшего возраста. Рисунки Л. Ройтера. Детгиз. 215 стр. Цена 4 руб. 15 коп.

Зорян С. Крылатое знамя. Рассказы. Для младшего возраста. Перевод с армянского. Рисунки Г. Ханджяна. Детгиз. 64 стр. Цена 1 руб.

Как петушок попал на крышу. Сказки французских писателей. Составили и обрисутили для младшего возраста Т. Габбе и А. Любарская. Рисунки Н. Петровой. Детгиз. 184 стр. Цена 5 руб. 30 коп.

Кармен Р. Автомобиль пересекает пустыню. Занески кинооператора. Для среднего возраста. Детгиз. 256 стр. Цена 5 руб. 60 коп.

Лифшиц В. Стихи детям. Ленгиздат. 120 стр. Цена 4 руб. 55 коп.

Поэты пушкинской поры. Избранные стихотворения. Составил Вл. Орлов. Издание 2-е, дополненное. Иллюстрации С. Юдовина. Детгиз. 392 стр. Цена 6 руб. 05 коп.

Рассказ за рассказом. Избранные рассказы советских писателей. Книга 1-я. Детгиз. 287 стр. Цена 5 руб. 05 коп.

Слонимский А. Черныговцы. Повесть о восточном Черныговском полке. Рисунки И. Арханькова. Переработанное и дополненное издание. Детгиз. 264 стр. Цена 7 руб. 05 коп.

У нас на сборе. Стихи, басни, рассказы, пьесы, песни. Для среднего возраста. Детгиз. 199 стр. Цена 3 руб. 45 коп.

Фаст Г. Топа и волшебная дверь. Для среднего возраста. Перевод с английского И. Кулаковской и М. Тарховой. Рисунки А. Васина. Детгиз. 88 стр. Цена 2 руб. 15 коп.

Фатеев А. Новый отец. Повесть. Иллюстрации И. Таирова. Симферополь. Крымское издательство. 120 стр. Цена 2 руб. 95 коп.

Заслуженная удача

Н. ИГНАТЬЕВА

Воронеж. В этом городе, пережившем все тяготы Отечественной войны, все ужасы фашистской оккупации, и сейчас еще видны следы ожоженных боевыми пулями и гранатами зданий, одиноко торчащие башни, выхлбны от снарядов... Но это — суровая память прошлого. Впечатление от осеннего Воронежа — ощущение города строящегося, растущего, заново создаваемого силой и энергией советских людей. И корпус новых домов, и новые трамвайные линии, и величественный мост через реку Воронеж — все это воплощение огромного коллективного труда народа. И не случайно поэтому воронежские зрители так горячо приняли новый спектакль Драматического театра «Твое богатство», рассказывающий о трудовой жизни заводского коллектива.

Два года тому назад в областном альманахе «Литературный Воронеж» была напечатана пьеса «Богатство» Сергея Косцова, молодого воронежского писателя К. Локоткова, известного ранее как автора произведений прозаических. Б. Локотков, инженер по профессии, и на этот раз в качестве своих героев вывел людей, принадлежащих к знакомой и близкой ему заводской среде. В своем первом драматургическом опыте автор хотел показать, как велика сила человека, опирающегося на коллектив, и сколь печально может сложиться судьба работника, пренебрегающего коллективом, видящего в подчиненных лишь безликую массу.

Эту мысль драматург стремился раскрыть через столкновение начальника цеха Буховона и его заместителя Косцова — друга студентических лет Буховона. Новый работник на заводе, Косцов обнаруживает серьезные пороки в работе Буховона, в стиле его руководства и, как человек честный и принципиальный, критикует начальника, отстаивая интересы всего коллектива. Буховон же видит в этом лишь карьеристские стремления, желание занять его место; личные мотивы заострили для него общественное значение критики, тем более, что Буховон ревнует к Косцову свою жену, которую тот когда-то любил.

Заслуга автора, который хорошо видит людей и умеет воссоздавать черты, составляющие в совокупности жизненные человеческие характеры, заключалась в том, что он привел на страницы своего произведения оригинальные, верные образы простых советских тружеников. Особенно ярко это проявилось в образах героев, составляющих рабочую молодежь завода и занимающих немалое место в пьесе.

Рядом с молодежью, в общении с ней интересно раскрывается положительный образ инженера Косцова. Человеком самым обыкновенным, но умным, живым, умеющим найти свой подход к каждому, вовремя принять верные и справедливые решения, — таким предстает Косцов в этих сценах, хотя во многих других эпизодах герой, словно опасаясь за свою репутацию «положительного образа», вдруг теряет человеческое обаяние и превращается в скучного режиссера, произносящего длинные поучительные речи. Безусловно удача автору своеобразный, несколько неожиданный образ технолога Лени Стрельбиной, много жизненно достоверного было в характерах Наташи Буховонной, рабочего Луянка.

И все-таки, несмотря на правдивое изображение рабочей среды, на присутствие в произведении привлекающих к себе халятурщиков, драматургическая неопытность помогла писателю глубоко решить поставленную им тему.

Косцов в пьесе находил самую горячую поддержку всех окружающих; действия же Буховона с самого начала вызвали недовольство людей. Следовательно, были не только заранее predetermined результаты столкновения, но и исключены неожиданные повороты в судьбах героев. А значит, пьеса лишалась необходимого — внутреннего действия, драматизма. Писатель сразу предстал стоящего в центре пьесы Буховона, как гнусную личность, человека, страдающего многочисленными и неизлечимыми пороками, и характер героя оказался статичным. Такое решение образа Буховона, при котором терялся смысл конфликта, построенного на отношении героев к коллективу, неизбежно увело автора в сторону от основной темы.

Если к этой ошибке драматурга добавить и другие слабости пьесы: нечеткое построение сюжета, рыхлость композиции, излишнее многословие героев, то станет ясно, что недостатки первого драматического произведения писателя были серьезными. И, конечно, проща было, свалился на эти недостатки, пройт мимо пьесы, лишь бы избежать столкновения, но и исключены неожиданные повороты в судьбах героев. А значит, пьеса лишалась необходимого — внутреннего действия, драматизма. Писатель сразу предстал стоящего в центре пьесы Буховона, как гнусную личность, человека, страдающего многочисленными и неизлечимыми пороками, и характер героя оказался статичным. Такое решение образа Буховона, при котором терялся смысл конфликта, построенного на отношении героев к коллективу, неизбежно увело автора в сторону от основной темы.

Если к этой ошибке драматурга добавить и другие слабости пьесы: нечеткое построение сюжета, рыхлость композиции, излишнее многословие героев, то станет ясно, что недостатки первого драматического произведения писателя были серьезными. И, конечно, проща было, свалился на эти недостатки, пройт мимо пьесы, лишь бы избежать столкновения, но и исключены неожиданные повороты в судьбах героев. А значит, пьеса лишалась необходимого — внутреннего действия, драматизма. Писатель сразу предстал стоящего в центре пьесы Буховона, как гнусную личность, человека, страдающего многочисленными и неизлечимыми пороками, и характер героя оказался статичным. Такое решение образа Буховона, при котором терялся смысл конфликта, построенного на отношении героев к коллективу, неизбежно увело автора в сторону от основной темы.

Уже в первых сценах спектакля «Твое богатство» нельзя было не заметить результатов обидного труда автора и театра, а чем дальше развивалось действие, тем очевиднее становились серьезные плоды пролетарской работы.

Театр и постановщик спектакля М. Гершт выступили прежде всего в роли вдумчивого литературного редактора, помогая писателю сокращать лишние сцены, компактно строить сюжет, добиваясь большей логики в поступках тех или иных действующих лиц, наконец, освободив от налета некоторой декларационности, которой порой подмечался проявления чувств. Но главное, что сумел сделать с помощью театра К. Локотков, — это исправить основной недостаток пьесы, существовавший с ним конфликт произведения.

Когда в спектакле происходит первое знакомство с Буховоновым и Косцовым, не сразу решши, кому отдать предпочтение; пожалуй, пожалуй больше симпатий вызывает Буховон — энергичный, размышляющий, решительный. В нем есть и ум и обаяние — неудивительно, что его «все любят». И только постепенно зритель обнаруживает иные черты Буховона — равнодушие к людям, дельчество, карьеризм. Буховон противопоставляет себя коллективу, проявляет равнодушие к рабочим, но это вовсе не определяется свойствами его живого и общительного характера. Он ведет себя так, потому что им руководит интересы личной выгоды, личного благополучия. Вот почему Буховон так упорно сопротивляется сложному заказу за сталинградской стройки: при-

бали от него никакой, а неприятности нажить можно. И хотя он горячо отстаивает свою правоту, доказывая опасность «сорвать заказ», чувствуется, что за громкими словами Буховона таится все-таки базаль за собственную карьеру.

Как видно, в отличие от первого варианта пьесы, где Буховон предстает законченным негодяем и мерзавцем, в спектакле образ стал сложнее, значителее. Поэтому и характер его противника — Сергея Косцова требовал не меньшей художественной убедительности, иначе исчезла бы острота конфликта, ослабла бы та дружба, которая соединяет внешне различные эпизоды пьесы.

Косцова играет А. Чернов. Выбор актера оказался очень удачным. Неожиданно для зрителя в качестве положительного героя, вступающего в борьбу с таким сонным персонажем, каким стал Буховон в исполнении Б. Левинцова, явился человек, внешне ничем не примечательный, некрасивый, сдержанный. Порой даже одолевало сомнение: «А не будет ли он слишком обаятельным?». Но опасения оказались напрасными. Сдержанность не перешла в серую, непривлекательную заурядность, а, наоборот, помогла созданию правдивого образа рядового советского человека, скромно, без лишнего шума делающего свое дело. Во многом помогла здесь актеру работа над текстом роли, которую портила трескучие, выспренние монологи. Раньше, скажем, актеру предлагалось произносить длинные и «поэтичные» речи, вроде: «...Большой кровью заплачено за право жить и работать... от этого еще дороже жизнь и выше ответственность. Я говорю о моральной ответственности, о долге перед страной... Жадуется — нет людей. А знает он их, своих людей? Любит их, думает над ними, воспитывает? Неужели надо доказывать, что в народе, в коллективе, — успех дела и наша сила как руководителей? Без народа мы — ничто!». Теперь подобные «фанфарные» куски, тирады, не сорванные живым человеческим чувством, либо сокращены, либо переделаны в план обычного житейского разговора. Например, вместо громких и декларативных фраз «во коллективе — успех дела и наша сила», «без народа мы — ничто!» появилась естественная разговорная реплика: «Ведь, если это будет случайное собрание... «людишек», как вы выразились, а не дружный коллектив. Людей надо любить, воспитывать их. Иначе действительно беда будет». В исполнении А. Чернова роль наполнилась подкупающей человечностью, мягким юмором в отношениях к друзьям, к товарищам по работе, к любимой девушке... Но прежде всего характер Косцова стал отчетливо проявляться в действиях.

Однако удача центральных образов не могла решить судьбы спектакля в целом, и если бы театр направил свои усилия только на это, — задача не была бы до конца осуществленной. Ведь в идейном замысле пьесы заключена важная мысль о богатстве рабочего коллектива, о людях, с которыми можно горы свернуть...

Большой, просторный цех механического завода. Застельный потолок, большие окна. На стенах лозунги: «Начинаем сталинградский заказ», «Все силы на выполнение заказа за Сталинграда». Рабочий день еще не начался, но народ пришел раньше, чтобы подготовиться для важного задания. Здесь и Павел Рыжов — счастливый и гордый: наконец-то он получил настоящую, интересную работу, ответственную «своей мерку». Деталь готова. Павел с научным равнодушием берет чертеж для проверки («Нам эти пустики. Раз, два, и готово...»), но размеры не сходится. И на этот раз Павел допустил брак. Исправить — не хватит времени, сознаться, попросить у мастера лишнюю деталь — это не в характере самолюбивого юноши. И Павел вихоמוлку сделал чужую «своей мерку». Провалка открывается, и на Рыжова обрушивается весь коллектив.

Сцена, когда рабочие выражают свое возмущение поступком Рыжова, но выступают против увольнения Павла с завода, потому что верят в него, в его будущее, — живое воплощение силы коллектива. Этот эпизод, так же как остальные массовые сцены, мастером которых мастером режиссер М. Гершт показал себя еще в «Порту-Артуре», — не бездумное изображение рабочей среды, выступающей в качестве хоронго декламатора; массовые сцены несут в себе мысль спектакля. И выражена она четко и ясно потому, что раскрывается прежде всего через индивидуальные, составляющие коллектив заводца. Постановщик также удачно хорошо передает атмосферу заводских будней, найти верный ритм повседневной трудовой жизни — спокойный и энергичный.

Основные моменты пьесы К. Локоткова связаны с заводом, с производством, с выполнением плана. Тема трудная, заманчивая, в прямом смысле этого слова, здесь мало. И некоторые чрезмерно осторожные товарищи настоятельно рекомендовали драматургу и театру отказаться от того, чтобы соорудить на сцене заводской цех, советую заменить его более скромным интерьером. Но театр не пошел («на уступки») и правильно сделал. Как раз сцены в цехе (интересно оформленные художником Н. Даниловым) оказались наиболее яркими и динамичными.

Женщинам, матерям, в какой бы точке земного шара они ни проживали, особенно близко и понятно Венское Обращение Всемирного Совета Мира.

На первом снимке: жительница Пекина Лун Юань-бинь с новорожденным на руках подписывает Обращение Всемирного Совета Мира. На втором снимке: свои подписи под Обращением ставит работница текстильной фабрики «Индустрия Бумбаоулю» в Бухаресте Думитра Чиботэ (слева) и Ана Блау. «Это не просто подпись», — сказала своим друзьям по работе Думитра Чиботэ, — «мы хорошо помним, как народы мира, объединившись, своими подписями помогли американским империалистам использовать атомную бомбу против Кореи. Мы знаем нашу силу!»

В Китае к концу прошлой недели под Венским Обращением Всемирного Совета Мира подписались более 21 миллиона человек. Успешно идет сбор подписей и в народной Румынии.

Из дневников Ромен Роллана

Из 1-й тетради (31 июля — 5 октября 1914 года).

Вевей. Огель Мюзер. 31 июля 1914 г. 3 часа 30 мин. — Телеграмма Федерального Совета, расслезшая на вокзале Вевей, сообщает о всеобщей мобилизации в России и о состоянии войны, объявленном в Германии.

Это один из самых прекрасных дней в году, волшебный вечер. Горы пылут в легком светлом тумане; лунный свет разливает по озеру расплавленное красное золото, которое тянется от сапоевского берега между Бувере и Сен-Гангольмом и доходит до самого Вевей. Воздух восхитителен, аромат глицеринный плывет в ночи, и звезды сверкают таким чистым светом! И среди этого божественного спокойствия и этой нежной красоты народы Европы начинают великую резню.

Из 2-й тетради (1914 г.).

Нужно отдать справедливость нескольким немецким социалистам! Только в конце октября стала известна декларация от 10 сентября, подписанная Карлом Либнехтом, Розой Люксембург, Францем Мерингом и Кларой Цеткин; они провозглашают попытку Зузекума и Рихарда Фишера оправдать нынешнюю войну и добавляют, что современное осадное положение не позволяло им выразить свое мнение. Они утверждают, кроме того, что 14 социалистов голосовали в рейхстаге против военных кредитов (плюс трое других, которые не присутствовали на заседании).

Из 3-й тетради (зима 1914—1915 г.).

В рейхстаге (начало декабря). Мужество Либнехт — единственный, кто отказался одобрить военные кредиты. Его партия отделилась от него. Вся Германия оскорбляет и высмеивает его. Ему в лицо бросают, как брань, кличку «одиночка», «чужак». Пусть же это станет для него впоследствии славным прозвищем!

В «Тан» от 4 декабря опубликованы краткое изложение и выдержка из книги Лассона, профессора Берлинского университета. Это писание до невероятности странно, тем более, что оно восходит, как указывают, к 1868 году — к эпохе, когда немцы не дошли еще до того состояния неустойчивой жестокости, в котором мы видим их теперь. Сочинение было переиздано лет десять назад в маленькой популярной и очень дешевой серии, которую редактировал один преподаватель средней школы в Пруссии. И это придает делу особую моральную значимость. Книга озаглавлена «Das Kulturideal und der Krieg»; сочинение Адольфа Лассона. Это — католические силы государства, силы, абсолютно ничем не ограниченной, стоящей выше всякого права и всякой морали:

«...Между государствами существует лишь одна юридическая сила — право сильного... Понятие преступлений не существует для государств... Облюдение договоров — вопрос не права, а выгоды... Слабый, несмотря на все договоры, является добычей более сильного, как только последний этого захочет и сможет это сделать. Такое положение вещей может быть даже названо нравственным, поскольку оно разумно... Закон — оружие слабого... На войне было бы слабой соблюдать какие-либо предосторожности, и жалок тот, кто ожидает, что их соблюдают... Войну можно вести за политические выгоды, но никогда за идею...»

(По поводу нейтральных стран):

З Зузекум, Рихард Фишер — немецкие социал-демократы, социалисты. Ред.

2 «Культурный идеал и война» (нем.). Ред.

Поражение американской партии в Японии

Телеграф принес предварительные данные об итогах, состоявшихся в воскресенье, 27 февраля, парламентских выборов в Японии. Эти данные красноречиво свидетельствуют о том, что курс акции американской партии в Японии — либеральной партии обанкротился. Долларополонинга Носиды — продолжает стремительно падать. Как известно, одной из главных причин недавнего падения кабинета Носиды, державшегося у власти шесть лет, явился его упорный отказ разрешить жизненно важный для страны вопрос о восстановлении мирного сотрудничества с Советским Союзом и Китайской Народной Республикой.

Этот же вопрос стоял в центре предвыборной борьбы политических партий. Продолжая с обычным своим холодным рвением высказываться перед Вашингтоном, ас-премьер в своих предвыборных речах пытался отстоять антинациональную политику своей партии, покоящуюся на трех китах — охране интересов заокеанских монополий, перевооружении и пассивнейшей изоляции Японии от ее соседей. Падаясь над здравым смыслом своих соотечественников и желая во что бы то ни стало запугать их несуществующей «советской угрозой», Носиды договорился до того, что Япония-де стоит перед лицом серьезного кризиса, объясняющегося «советским планом вторжения». Авось это заставит японцев примириться с существованием семи сотен американских военных баз на японской земле, они перестанут требовать, чтобы самозванные американские «защитники» убрались восвояси, и вновь призывают либеральную партию управлять страной по американской шпательке!

Эффект пропагандистских ухищрений г-на Носиды налицо: в новом составе парламента его партия получила всего лишь 111 мандатов (на выборах, состоявшихся в 1953 году, в парламенте прошло 199 кандидатов от партии Носиды). Печать, особо отмечая позорное поражение на нынешних выборах одного из ближайших соратников Носиды, бывшего министра иностранных дел Окадзакы, с именем которого связаны все каботные договоры Японии с США, описывает ее по рукам и ногам, — Сан-Францисский мирный договор, «Пакт безопасности», «Административное соглашение», «Соглашение о военной помощи», по закону о взаимном обеспечении безопасности и другие.

Как уже сообщалось, 1 января 1955 года в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина были открыты пакеты, содержащие рукописи Ромен Роллана — его «Дневник военных лет» 1914—1919 гг.

25 ноября 1934 года великий французский писатель в письме на имя директора библиотеки имени В. И. Ленина определил срок вскрытия этой рукописи (1 января 1955 года), переданной им в дар нашей стране с правом последующей публикации. Дневники Ромен Роллана — интереснейший документ эпохи. Вместе с тем, они позволяют судить о сложной идейно-политической эволюции их автора.

В этой «Истории европейской души в период войны наций», как называл Р. Роллан свой дневник, собрана обширная переписка, которую Роллан, живший в Швейцарии, вел со своими многочисленными друзьями, представителями передовой интеллигенции всего мира.

Дневник включает также газетные и журнальные статьи того времени с комментариями Роллана. Он содержит и личные записки Ромен Роллана, отражающие его мысли и чувства, раскрывающие интересные стороны художественного творчества писателя и его отношение к вопросам войны, мира, пролетарской революции, к самым различным выдающимся событиям эпохи.

«Дневник» создавался Ролланом в то время, когда он, страстно ненавидя и разоблачая империалистическую войну и порождающий ее буржуазный строй, еще неясно видел пути борьбы против этого строя. Р. Роллан этих лет еще опасается, что прямое участие в политической борьбе может помешать передовому интеллигенту сохранить «независимость духа».

Как известно, в начале 30-х годов писатель, преодолев свои колебания, перешел на позиции активной борьбы против фашизма, за мир, за сплочение рядов сторонников мира.

Эта мужественная борьба Роллана последние пятнадцать лет его жизни своими истоками имеет долгие годы раннего творчества, ранних идейных исканий писателя. Об этом, в частности, и свидетельствует «Дневник военных лет», выдержки из рукописи которого мы публикуем.

...Ларикатурное государство, которое не имеет сил защитить своими собственными средствами, которые существуют лишь по милости других, — не является, по существу, государством... Некоторые говорят о том, что народы имеют так называемое право распластаться самими собой. Позволить народу — или, что уже более разумно, части народа — решать международные вопросы, например, о его принадлежности к тому или иному государству, — это все равно, что поручить детям в семье путем голосования избрать себе отца. Это самая легкомысленная выдумка, которая когда-либо возникла во французской голове... Характер эпохи или народа может быть лучше всего воплощен поэтом только в образе война, в котором совершенно ясно выражена его сущность, волна, при каждом шаге которого сотрывается мир, война, решения которого проявляются в сложных движениях армии и каждой мысли которого поджигает города, повергает народы в прах, опустошает страны и гонит перед собой армию...»

Этот чудовищный документ, полный зловещего величия и зловещей искренности, является, на мой взгляд, своего рода «Государем» Макиавелли... «менее обеспеченные, которые борются против богатых, не только грешат против справедливости и милосердия, но они совершают насилие над самим разумом, тем более, что и они тоже могли бы путем честного соревнования в труде создать себе лучшие условия, если они этого бы захотели»...

Конечно, нужно, чтобы наместник Христа говорил о любви к ближнему. Но «эта любовь, разумеется, не должна иметь своим результатом упразднение классовых различий... — но все же эта любовь приводит к тому, что те, кто находятся в наилучшем положении, некоторым образом снизойдут до стоящих на нижних ступенях и не только будут соблюдать по отношению к ним справедливость, но и будут обходиться с ними с добротой, приветливостью и терпением; эта любовь приведет также и к тому, что и стоящие внизу, в свою очередь, будут радоваться процветанию верхних и будут полагаться на их поддержку, — точно так же, как младший из сыновей в семье полагается на пропитание старшего».

Что за пренебрежительная благосклонность! Что за аристократическая спесь! Видно, что человек, написавший это, ни разу не вкусил нищеты. И ему легко напоминать людям притчу Менения Агриппы¹, ему, кто присвоил себе роль головы в живом организме! — Вся эта мысль основана на поклонении победоносной силе и выражается так:

«...Всякая власть — от бога, и все существующие власти установлены богом. Всякая власть, имеющая над людьми, будь то власть князя или ему подчиненных, имеет божественное происхождение. Но чем же тогда это отличается от теории проф. Лассона?»

Из 4-й тетради (зима 1914—1915 г.). Я получил из Парижа (21 декабря) коллективное письмо (но без подписей) — «от французских и французов, безоговорочно оставшихся интернационалистами, несмотря на преступное возбуждение ненависти между народами». Они поручают мне передать дань уважения Карлу Либнехту и Кларе Цеткин. Это письмо в то же время — обвинительный акт против французской социалистической партии (в частности, против Эрве и Ренодэла)².

«Ромен Роллан, Париж, 21 дек. 1914 г. Мать! — мы прочли в «Южаните» от 15 ноября изложение вашей статьи, напечатанной в «Журнале де Женев» — по поводу военнопленных. Подобная мудрость и человечность в это ужасное время, когда все в мире — сплошная ненависть и беззастенчивость...»

1 Менений Агриппа — римский консул. В 503 г. до н. э., согласно легенде, он угнорвал последних плебеов вернуться в Рим, расставив им привязанную к покорности петлицу. Ред.

2 Эрве Гюстав — в годы первой мировой войны социалист; оборотень; в 1916 г. вышел из французской социалистической партии. В последующие годы вел фашистскую пропаганду во Франции.

Ренодэ Пьер — лидер крайнего правого крыла французской социалистической партии. В годы первой мировой войны — армян социалист. Впоследствии — враг СССР. Ред.

его готовности восстановить дипломатические отношения и деловое сотрудничество с Советским Союзом и Китаем и некоторые практические шаги, предпринятые им в этом направлении, произвели благоприятное впечатление на японскую общественность. И это также укрепило барометр выборов. Демократическая партия, возглавляемая Хатояма, получила в нижней палате 186 мандатов.

Серьезного успеха на выборах добились патристические силы Японии. По сравнению с прежним составом парламента левая социалистическая партия, решительно выступающая против перевооружения, за мирное сотрудничество с Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, получила 17 дополнительных мест в нижней палате. Правая социалистическая партия также получила на шесть мандатов больше, чем в прошлом составе парламента. Несмотря на крайне неблагоприятные условия, в которых протекала предвыборная борьба прогрессивных партий — изменение в худшую сторону избирательного закона, полицейский террор, прокси-реакция, — коммунистическая и рабоче-крестьянская партия, смело отстаивая национальные интересы японского народа, провели в парламент шесть своих кандидатов.

Вашингтонские хозяева Бонна за-благовременно пред-приняли экстренные меры, чтобы помочь Аденауэру протиснуться через боннский бундестаг парижские соглашения. Шумная пропагандистская кампания в реакционной печати США, нажим на боннских парламентариев, шантаж, запугивание и, наконец, посылка эмиссаров в Западные Германия — таковы методы Вашингтона.

Сегодня стоит вернуться к одной из поездок американских посланцев в боннский вотиву Уолл-стрит, раскрыть ее конкретное значение и политический смысл.

...Когда личный самолет Эйзенхауэра приземлился на территории Западной Германии и из него старческой походкой вышел бывший президент США Герберт Гувер, он был встречен Аденауэром с распростертыми объятиями.

Несколько дней, проведенных Гувером в Бонне, были до отказа заполнены приемами, речами, церемониями и прочей дипломатической возней. Гувер повидается с Хейсмом, беседовал с канцлером, удостоил своим присутствием клуб журналистов, выступил в западноберлинском сенате. Он милостиво позволил надеть на себя тогу «доктора

ДАЛЛЕС—ГУВЕР—АДЕНАУЭР

К ратификации парижских соглашений в бундестаге

наук» Тюбингенского университета и, вызвав удивительное всем виденным, сел в тот же самолет и отбыл в США.

В речах, произнесенных в Бонне, мистер Гувер не преминул воздать хвалу безоговорочному и быстрому вооружению Западной Германии. Он также горячо высказался за организацию «единого фронта борьбы с коммунизмом», в котором германский вермахт явится ударной силой.

В целом визит Гувера был превращен в своеобразное и громкое политическое событие. Его поездка была представлена и Вашингтоном и Бонном, как крупная политическая демонстрация, означавшая: «курс Гувера» одобрен Бельмом домом.

Выявить смысл этой демонстративной поездки можно, лишь обратившись к самому «курсу Гувера», то есть к тем страницам истории внешней политики США, от которых тянутся нити к сегодняшнему дню. На этих страницах фигурируют имена современных американских дипломатов, в том числе Джейна Фостера Даллеса.

Перед отъездом в Бонн Гувер имел смелость заявить: «Немцы, кажется, считают, что я оказал им большую услугу после двух войн». Если говорить о немецком народе, то он этого никак не считает и считать, конечно же, не может. Совершенно иное дело — немецкие банкиры, промышленники и пушечные короли. Им Гувер не только оказал услугу, но и после второй мировой войны — действительно оказывал большие услуги, прямо и открыто поддерживая воинствующую германскую реакцию и поощряя ее захватнические планы, связанные с «походом на Восток».

Американские миллиардеры руками Гувера и других политиков такого же рода буквально всплои и вскормили германский милитаризм и фашизм. Начнем с того, что именно Гувер наряду с Даллесом принимал непосредственное участие в разработке «плана Дауэса», позволившего германскому милитаризму не только оправиться от поражения, но и снова встать на ноги.

В 1931 году, по инициативе Гувера, был объявлен мораторий, фактически освободивший Германию от дальнейшей уплаты репараций и в еще большей степени развязавший руки крупным и титесам, готовившим новую войну. Менее чем через два года они ответили на «мораторий Гувера» передачей власти в руки Гитлера.

Лицемерно призывая американский народ «быть в своих собственных интересах мудрым кредитором и хорошим соседом», тогдашний президент Гувер выступал, по сути дела, не только как прямой агент американских миллиардеров, но и как деятельный пособник германского генерально-штаба и пресловутого «Клуба господ». В декабре 1932 года правительство Гувера официально признало за Германией право на вооружение.

Уход Гувера из Белого дома в связи с окончанием срока его президентства никак не снизил его политической активности. Он объявил себя ревностным сторонником нацистского режима и за год до начала второй мировой войны нанес демонстрационный визит Гитлеру. Не постеснялся Гувер во всеуслышанье приветствовать и позорное мюнхенское соглашение; а в течение всех германских лет вооруженной борьбы свободных народов мира против гитлеровских орд он неизменно выступал за сговор с нацистской Германией.

Еще в 1942 году, в книге, демографически названной «Проблема прочного мира», Гувер, опасаясь поражения гитлеровских армий, поспешил выступить в защиту германского милитаризма. Совершенно закономерно, что после того, как над безоговорочной капитуляцией Берлина звенели стая победивших народов, покровитель фашизма Герберт Гувер продолжал твердить о необходимости восстановления военной мощи германского империализма на

основаниях «лучшей Германии». Никогда вражеские армии не могут учредить свободу у народа, который совсем не хочет этой свободы. Они рискуют скорее навсегда разрушить эту свободу.

Но эта «лучшая Германия» существует; и мой претензия к политике и мыслям (вооруженным и бронированным) союзных наций — в том, что они не сумеют ее увидеть, ей помочь и ее использовать. Следовательно (как это пытался сделать, довольно грубо, первая Революция) — следовательно опираться на нее, вместо того, чтобы осуждать ее вместе с силами милитаризма, которые преобладают над нею, и вместо того, чтобы вынуждать ее примыкать к этим силам.

Из 8-й тетради (1915 год). Из письма Ромен Роллана к Виктору Башу 7 июня 1915 г.). Я, во всяком случае, убежден, как и вы, что уничтожение германского милитаристического империализма является теперь неизбежной необходимостью. Но я не менее убежден, что для нас невозможно уничтожить его какими-либо силами союзных армий, если к нам не присоединится воля «лучшей Германии». Никогда вражеские армии не могут учредить свободу у народа, который совсем не хочет этой свободы. Они рискуют скорее навсегда разрушить эту свободу.

Из 10-й тетради (1915 год). Ежедневный журнал (США) «Fair Play» попросил меня ответить на анкету (5 августа 1915 года) по следующему вопросу: «Что из того, во что вы особенно верили, разрушено великой войной?» Я ответил (29 августа): «Война не разрушила ничего, во что я верил. Она лишь сделала мою веру еще более сильной. Она укрепила: 1. Мою уверенность в господствующем классе; к правителям, к финансовым олигархам, к церкви и к так называемым цветам интеллигенции, — которые прилеплены к этой великой войне; 2. Мою веру в их грядущее единение и в возрождение нового социального строя, более справедливого и более человеческого.»

Перевод с рукописи М. Вахмехера

американские доллары, но по английской Уолл-стрит. Этой позиции он рьяно придерживается и сейчас.

Фашистские взгляды и агрессивные планы Гувера питаются из двух источников: первый — его преданность клану миллиардеров США, второй — его ненависть ко всем свободололюбивым народам мира, не исключая и немецкого народа. Злой бы пшмет Гувер при одном лишь упоминании о Советском Союзе. «Сказать по правде, цель всей моей жизни состоит в том, чтобы уничтожить Советский Союз», — заявил, как известно, Гувер еще в 1931 году, будучи президентом США, корреспонденту газеты «Сан-Франциско Ньюс». Он, конечно, не отказался и сейчас от этих слов. Но и народы всего мира этих слов не забыли.

Гувер сталл печальную известность не только как фашиствующий политик, но и как мошенник крупнейшего масштаба. Лишь часть документов, разоблачающих темные махинации Гувера на посту руководителя организации помощи жертвам войны «АРА», заняла одиннадцать томов!

Связи Гувера с разведкой на всем протяжении его политической карьеры достаточно известны. Но весьма интересно, что «моралист» Гувер не считал для себя зазорным, как указывал тот же О'Брайен, и лично заниматься шпионажем.

Из преданных здесь фактов, не слишком украшающих биографию мистера Гувера, совершенно ясно, в чем существо его «политического курса» в отношении Западной Германии и какова цена тем «моральным призывам», с которыми он обращался к так называемому «свободному миру» во время своего пребывания в Бонне.

«Походит! Каково, а? Рисуюн худ. Вранье из немецкой газеты «Нефес Дайчацх»

Связи Гувера с разведкой на всем протяжении его политической карьеры достаточно известны. Но весьма интересно, что «моралист» Гувер не считал для себя зазорным, как указывал тот же О'Брайен, и лично заниматься шпионажем.

Из преданных здесь фактов, не слишком украшающих биографию мистера Гувера, совершенно ясно, в чем существо его «политического курса» в отношении Западной Германии и какова цена тем «моральным призывам», с которыми он обращался к так называемому «свободному миру» во время своего пребывания в Бонне.

«Походит! Каково, а? Рисуюн худ. Вранье из немецкой газеты «Нефес Дайчацх»

Связи Гувера с разведкой на всем протяжении его политической карьеры достаточно известны. Но весьма интересно, что «моралист» Гувер не считал для себя зазорным, как указывал тот же О'Брайен, и лично заниматься шпионажем.

Из преданных здесь фактов, не слишком украшающих биографию мистера Гувера, совершенно ясно, в чем существо его «политического курса» в отношении Западной Германии и какова цена тем «моральным призывам», с которыми он обращался к так называемому «свободному миру» во время своего пребывания в Бонне.

«Походит! Каково, а? Рисуюн худ. Вранье из немецкой газеты «Нефес Дайчацх»

В. РОЗАНОВ

* James J. O'Brien. «Hoover's millions and how he made them». New-York.

Страхи „самого надежного полицейского“

Американские генералы и адмиралы, чаше всего впадающие в воинственный раж, любят размахивать атомной бомбой и угрожать миролюбивым народам. Но на душе у этих милых людей неспокойно: нет-нет, а помечтают сканья полудимых.

...На авиационной базе Обфурт близ американского города Омаха, за двойными заборами и воротами, которые охраняются отрядом полицейских, размещен штаб командования стратегической авиации Соединенных Штатов. Возглавляет это командование генерал Лимэй. Вот что рассказывает о нем американский журнал «Лайф» в опубликованной некоторое время назад статье Эрнста Хеймэнна «Самый надежный полицейский западного мира».

«Самым надежным полицейским западного мира» журнал называет генерала Лимэя, которому американские правящие круги вручили средства массового истребления людей. «Лайф» колоритно рисует его портрет: «Лимэй — это худший из худших профессиональный солдат... Он ни секунды не поколеблется — действительно, он не видит тут никакой моральной проблемы — применить страшную мощь, которая в настоящее время находится в его руках: бомбардировщики «В-36», «В-47», «В-52» и водородная бомба».

Сам о себе генерал говорит, что его «работа» заключается в том, чтобы «доставлять бомбы до целей». Идеология возмездия! Вести что приказано и куда приказано, лишь бы провоз был оплачен. А на оплату таких «вывозчиков» американские монополии, как известно, очень щедры... Однако, судя по впечатлениям, вынесенным Хеймэнном от посещения подвормочных Лимэю авиационных баз, «самый надежный полицейский» чувствует себя не очень спокойно. «Человек, который находится на любой авиационной базе командования стратегической авиации», — пишет Хеймэнн, — может подумать, что война уже началась. Многие из личного состава носят

карабины или пистолеты. Там всегда имеется команда полиции ВВС, вооруженная пулеметами, которая скрыта где-либо поблизости».

«Лимэй, видимо, понимает, что народы мира, в том числе американский народ, не хотят войны и сумеют показать ее зачинщикам. И чувство страха преследует генерала... Автоматический пистолет в ящике письменного стола, пишет «Лайф», стал для Лимэя предметом первейшей необходимости. Однажды, сообщает журнал, к генералу пришла одна из служанок. Схватив пистолет, генерал выскочил из кабинета и самостоятельно задержал людей. Оказалось, что это были работники... его же службы обеспечения безопасности! «Фортселопа болель», которой страдает генерал, естественно, передается и его подчиненным. Один раз младший офицер за подпорил в чем-то своего сослуживца-капитана. Недолго раздумывая, он заставил его лечь и продолжал полчас под дулом пистолета, пока подозрения не рассеялись. Передки такие случаи: пилота самолета, приземлившегося на одной из авиабаз командования, встречает автомобиль с полицейскими ВВС, вооруженными пулеметами... Выясняется, что предупреждение о полете не было передано на аэродром, в связи с чем возник перелеток.

Лимэй боится своего народа, боится тех, кто не хочет войны, кто может помешать ему посылать самолеты с бомбами на мирные города и села. От этого страха его не спасают двойные ворота, которые охраняются полицейскими... В. ВЬЮГИН

Правление Союза писателей СССР с глубоким прискорбием извещает о смерти члена Союза писателей критика Иоганна Львовича АЛЬТМАНА и выражает соболезнование семье покойного. Гражданская панихида — 1 марта в 3 час. 30 мин. в Доме актёра (ул. Горького, 16). Доступ для паныхии с покойным там же с 2 час. 30 мин.